

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

АФЕРИСТЫ

АРИСТОКРАТ ОБМАНА

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов
Аристократ обмана
Серия «Авантюрист Его
Высочества», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874595
Аристократ обмана: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-53871-3

Аннотация

Свет никогда прежде не видывал такого авантюриста, как поручик лейб-гвардии гусарского Его Величества полка Леонид Варнаховский. Его аферы вызывали оторопь даже у тех людей, которые обычно не удивляются ничему. Чего стоила только продажа Зимнего дворца американскому бизнесмену, которому поручик представился владельцем архитектурного шедевра!.. Само собой, бравого гусара все время по пятам преследовала полиция. В итоге изобретательному пройдохе пришлось бежать за границу. Но и там его достало всевидящее око сыска – только теперь речь пошла уже не о свободе, а о самой жизни Варнаховского. Но лейб-гусар и не думает сдаваться. Ведь его голову кружит самый крепкий и коварный хмель на свете – хмель авантюризма...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	79
Глава 6	88
Глава 7	102
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Евгений Сухов

Аристократ обмана

Часть I

Великокняжеский вор

Глава 1

Занятная личность

Секретарь начальника Третьего отделения – шатен лет двадцати пяти, занимавший небольшой стол в самом углу приемной, – что-то быстро писал на листке бумаге.

– Как он сегодня? – не без робости спросил Кирилл Бобровин.

– Не в духе, – подавив вздох, ответил тот, – только что от государя.

– Что-то серьезное?

– Был еще германский посланник... Так и пришел в придворной одежде на службу, не переодевшись. Видать, крепко ему досталось, – добавил секретарь сочувствующим голосом.

Бобровин понимающе кивнул – там, где задействована

Германия, вопросы всегда серьезные.

Пошел уже четвертый год, как он занимал должность начальника первой экспедиции Третьего отделения собственной Его императорского величества канцелярии. Работы было невпроворот! Экспедиция ведала всеми политическими разбирательствами, через нее проходили дела, имевшие «особо важное значение»: наблюдение за общественным и революционным движением, организация политического сыска и следствия, осуществление репрессивных мер, надзор за состоянием мест заключения, а также сбором сведений о злоупотреблениях высших и местных государственных чиновников.

– Теперь можно, Кирилл Федорович, проходите, – проговорил секретарь.

Мысленно перекрестившись, Бобровин коротко постучал в массивную дверь, обитую шпоном из черного дерева, и вошел в просторный светлый кабинет с высокими потолками, оклеенный темно-синими обоями.

У распахнутого окна он увидел высокого человека лет пятидесяти, в темно-зеленом полукафтоне обер-гофмаршала со скошенным стоячим воротником. Этим человеком был начальник Третьего отделения, действительный тайный советник, граф Александр Петрович Уваров.

– Вы получили от нее послание? – спросил хозяин кабинета, неторопливо шагнув от окна.

На золотое шитье обер-гофмаршальского мундира упал

тонкий лучик солнца, протиснувшийся между занавесками.

– Так точно, ваше сиятельство, – с готовностью произнес Кирилл Федорович, чуть подавшись вперед.

Бобровина всегда раздражала манера графа разговаривать с ним у открытого окна. При этом он зачастую не мог рассмотреть его сухопарого лица, спрятанного в густой тени. В такой момент оно представлялось ему необыкновенно хищным, каким может быть только у филина, затаившегося в густой кроне трехсотлетнего дуба.

– Давайте его сюда, – произнес граф, протянув руку.

Кирилл Федорович сделал несколько поспешных шагов в глубину кабинета и протянул большой конверт из плотной зеленой бумаги, с открыткой внутри. Оказавшись на расстоянии вытянутой руки, он мог увидеть, что за последние дни Уваров слегка осунулся, а в густых бакенбардах даже различил несколько седых волос, – надо полагать, для скверного настроения были основательные причины.

Прежде чем вытащить открытку, Уваров тщательно осмотрел конверт, как если бы хотел убедиться в его целостности, и, не отыскав никаких изъянов, одобрительно кивнул. Открытку следовало в ближайшее время отдать адресату, и потому начальник отделения действовал крайне аккуратно, словно опасался, что содержимое может рассыпаться в прах. Александр Петрович вытряхнул складень-открытку на ладонь и тщательно осмотрел ее со всех сторон. Весьма милая вещица, какие обычно отправляют любимым лю-

дям на день ангела. На оборотной стороне нарисована веселая стайка снегирей, сидящих на высокой рябине; внизу – у небольшого сугроба – стояли мальчик и девочка, взявшись за руки. Вполне целомудренное зрелище. Надо полагать, таким же невинным будет и содержание открытки.

Раскрыв ее, граф Уваров прочитал:

«Милый и дорогой мой Николая! Поздравляю тебя с днем Ангела, не могу дождаться нашей встречи. Целую тебя крепко, как только возможно. Твоя Элиз».

Правый уголок губ Александра Петровича снисходительно дрогнул: весьма содержательное послание.

Сунув открытку обратно в конверт, Уваров произнес:

– Я оставляю эту открытку на некоторое время у себя.

Бобровин посчитал своим долгом предупредить его:

– Только очень прошу вас, господин граф, не больше чем на два часа. Открытка была доставлена специальным курьером; важно, чтобы великий князь не заметил задержки.

– Не переживайте. Я не задержу. А вы со своей стороны сделайте все, что нужно.

На красном суконном воротнике графа Кирилл Федорович заметил белую коротенькую нитку. Следовало бы указать ему на некоторую небрежность, но не хотелось ставить его сиятельство в неловкое положение.

Начищенные пуговицы сверкали золотом.

– Непременно, ваше сиятельство, – сказал Бобровин, забирая пустой конверт.

– Кстати, у великого князя с этой танцовщицей Элиз действительно все серьезно? Ведь у него и без этого было немало увлечений. Может, это одно из них?

Граф шагнул к своему большому столу, покрытому синим сукном, с высоким массивным креслом. Он не предложил ему стул, что подразумевало короткую беседу, однако они уже проговорили почти четверть часа, но так и не подступили к главному.

– Смею с вами не согласиться, ваше сиятельство, – живо ответил Кирилл Федорович. – Прежние его увлечения были весьма легковесными. О них Николай Константинович забывал уже на следующий день, здесь же нечто противоположное.

– Просветите, – попросил Уваров.

– Великий князь вел довольно свободный образ жизни, пропадая в сомнительных компаниях и с разного рода девицами. Только за последние три месяца он сменил восемь партнерш. Четыре из них были танцовщицами из балетного театра, еще три девицы – фрейлины императрицы. И одна разведенная дама.

– Где же он с ними встречался?

– В Бельведере близ Петергофа.

– Весьма милый уголок для тайных свиданий. Там немало укромных мест, где они могли бы провести ночь. Кто вось-

мая?

– По данным наших агентов, это Елена Лабунская, он встречался с ней в доме своей любовницы, Макаровой. Польская княгиня, католичка.

– Этого еще не хватало!.. – поморщился граф. – Хотя, думаю, она нам не опасна. А кто же такая эта Элиз?

– Элиз Руше – дочь танцовщика. Она американка. Мать русская, отец француз, но в Америке она проживала с двухлетнего возраста. Детство провела в изрядной бедности. В шестнадцать лет убежала с каким-то пьяницей, который совершенно непонятно кем ей приходился: не то мужем, не то сутенером. Некоторое время они вдвоем колесили по Америке, а потом неожиданно он пропал, и Элиз обрела нового покровителя, уже танцовщика, с которым уехала в Европу.

– Почему же пропал тот сутенер?

– По нашим агентурным данным, в его исчезновении замешана сама Элиз. Женщина она весьма неглупая, яркая, опасная. В какой-то момент их интересы стали расходиться, и она от него избавилась. Разумеется, руками других, щедро расплатившись.

– Значит, в какой-то степени великий князь Николай пребывает в большой опасности?

– Именно это я и хотел сказать, ваше сиятельство.

– Что ж, мы должны не только ограждать правящий дом от публичных скандалов, связанных с их ближайшими родственниками, но и оберегать непутевых родственников от

опасности.

– Мы уже предприняли некоторые меры.

– Прекрасно. Как великий князь познакомился с этой Элиз?

– Великий князь познакомился с ней в Париже, в одном из театров. Роман был скоротечный, потом они много путешествовали по Франции и Италии. Катались на яхтах, обедали в лучших европейских ресторанах; ну, а со своей стороны Элиз делала все возможное, чтобы привязать князя к себе. Она одаривала его своими прелестями, безудержными вольными нежностями, делала ему комплименты...

– Боже, как мало нужно мужчине, чтобы попасть в рабство к женщине! – горько посетовал Александр Петрович. – Боюсь, при таком арсенале обольщения немногие из мужчин сумели бы сохранить твердый рассудок.

– Совершенно верно, ваше сиятельство. По существу, их путешествие было одним сплошным удовольствием. Мне приходилось наблюдать за ними сразу после того, как они приехали в Санкт-Петербург. Весь спектакль они просидели в царской ложе, потом вместе уехали в карете Николая Константиновича в Петергоф. Вернулись в Петербург только через четыре дня.

– Полагаю, эти четыре дня им было чем заняться.

– Вне всякого сомнения... Не хотелось бы вдаваться в подробности, ваше сиятельство, но мне известно, что танцовщица по всем комнатам расхаживала едва ли не нагишом,

чем невероятно распалила страсть великого князя Николая. А после ужина всякий раз танцевала на столе.

– Думаю, это было весьма занятное зрелище, и смею надеяться, что великий князь не был разочарован. – Бобровин попытался скрыть усмешку, но по смеющимся глазам Уварова понял, что это ему не удалось. – Насколько серьезно он увлечен танцовщицей?

– Не исключаю, что он может на ней жениться; во всяком случае, все идет именно к этому!

Граф поморщился:

– Этого только не хватало! Еще один морганатический брак... Как она выглядит? Действительно так хороша, что от нее можно потерять рассудок?

– Внешне она весьма приятная особа. Высокая. Стройная. Грациозна. У нее очень правильные черты лица. Тонкая кость. Хрупка. Извините за подробности – высокая грудь. Обычно мужчины в таких женщин влюбляются сразу.

Едва улыбнувшись, граф сказал:

– Что ж, если дело обстоит именно таким образом, то я могу понять великого князя. Надо полагать, он тратит изрядные средства на ее содержание.

– Именно так, ваше сиятельство, – охотно отозвался Бобровин. – Николай Константинович на прошлой неделе продал акции железнодорожной компании.

– Ого! Ведь большая часть из них принадлежит императорской фамилии. Полагаю, что он получил немало.

– Двести пятьдесят тысяч рублей.

– Весьма недурно!

– Но, по нашим данным, в настоящее время великий князь опять испытывает значительные денежные затруднения.

– Николай Константинович привык жить на широкую ногу... Вот что я вам хотел сказать, связь великого князя с этой Элиз не красит августейший дом – если хотите, подрывает его репутацию. Есть ли возможность как-то убедить Николая отказаться от этой танцовщицы?

– Думаю, вряд ли получится, – после секундной паузы произнес Кирилл Бобровин. – Николай Константинович ничего похожего прежде не испытывал.

– Это скверно. Что вы предлагаете?

– На мой взгляд, нужно сделать так, чтобы танцовщица влюбилась в кого-нибудь другого. По нашим наблюдениям, она весьма увлекающаяся особа и склонна к разного рода приключениям.

– Вот как? Весьма интересно! Расскажите в двух словах.

– В Америке у Элиз Руше была любовная связь с одним молодым капиталистом. Эта связь продолжалась почти полтора года. Однако ни к чему не привела – тот был женат, имел двух сыновей и не желал разводиться. Чтобы как-то позабыть его и успокоиться, Элиз укатила в Париж. Поменяла массу любовников, среди которых были и принцы. Там она и познакомилась с великим князем Николаем.

– Каков ваш план?

– Нужно подобрать молодого человека, который напоминал бы ей оставленного в Америке возлюбленного.

– Хм, любопытно... В этом что-то есть, – произнес Уваров, подходя к огромному комоду, на котором стояли фотографии в золоченых рамах. Центральную из них занимала фотография, где он был запечатлен с императором, тогда еще великим князем, вместе с фрейлинами, – они играли в горелки. Помнится, было очень весело. Губы графа тронула мягкая теплая улыбка.

Внешне Александр Петрович выглядел суховатым, даже несколько строгим, а официальность, с которой он держался со своими подчиненными, делала его внешность еще более отталкивающей. И только когда он бывал самим собой, в окружении приятелей, с которыми весело проводил юность, лицо его размякало, становясь значительно добрее.

Повернувшись к начальнику первой экспедиции, граф спросил:

– И у вас есть подходящая кандидатура?

– Имеется, ваше сиятельство. Именно поэтому мне необходимо ваше содействие.

– Ах, вот оно как... И кто же этот человек?

– Поручик лейб-гвардии Гусарского полка Варнаховский Леонид Назарович.

– Кхм... Неожиданная кандидатура, – глубоко задумался Уваров. – Что-то я слышал о нем... и не самое приятное.

– Уверен, что слышали. Поручик Варнаховский большой кутила, развратник, пьяница, невероятный сквернослов, но вместе с тем он необыкновенно умен и обаятелен, знает в совершенстве несколько иностранных языков. Получил в Петербурге блестящее образование. Происходит из потомственных военных. Его отец воевал в Крымскую кампанию, за что получил Георгиевский крест, а дядя был кавалерийским генералом, прославился на Кавказской войне. Он дерзок, бесстрашен, весьма недурен собой; возможно, все это и привлекает к нему женщин – число его побед над ними не поддается никакому счету! Даже Казанова в сравнении с ним выглядел бы невинным мальчишкой.

– Вижу, он и в самом деле весьма занятная личность. Впрочем, в лейб-гвардии немало таких молодцов, готовых вместо службы пропадать где-нибудь в ресторациях с девицами. Кажется, у него была какая-то неприятность с великим князем Михаилом Николаевичем?

– Совершенно верно... С год назад он назвал его безвольным человеком, у которого ни на каплю нет ни русской, ни дворянской крови. В нашу экспедицию было доложено, и мы приняли соответствующие меры.

Брови графа возмущенно взмыли вверх:

– Право, это уж слишком! Разумеется, мне тоже не все нравится в царствующем семействе, но чтобы вот так... И что он получил?

– Три месяца крепости.

– Он еще легко отделался, за подобную дерзость его могли сослать в арестантские роты в Сибирь. И где сейчас этот Варнаховский?

– Полагаю, где-нибудь в «Эрмитаже». Или чудит со своими друзьями, а в свободное от развлечений время несет караул в Зимнем дворце.

– Надеюсь, со своими обязанностями он справляется подобающим образом?

– Именно так, ваше сиятельство, – поспешно ответил начальник первой экспедиции. – Но самое главное, он еще служит адъютантом у великого князя Николая Константиновича.

– Ах, вот оно как!

– Не хотите ли на него взглянуть, так сказать, вживую? Все-таки дело обещает быть непростым.

– Хорошая идея. Значит, вы говорите, сейчас он в «Эрмитаже»? – потянул граф за створки шкафа.

– Именно так!

– Что ж, самое время перекусить, только нужно одеться подобающим образом. А потом в «Эрмитаже» подают великолепные расстегаи, – и губы графа растянулись в предвкушении удовольствия.

Глава 2

Розыгрыш

Поручик лейб-гвардии Леонид Варнаховский пребывал в прекрасном расположении духа. Вчерашним вечером он поставил логическую точку в одном из своих скоротечных романов, которыми была заполнена вся его петербургская жизнь. Он давно добивался расположения опереточной дивы, выступавшей под псевдонимом Чеолини (в действительности ее звали проще – Дуняша Селянкина), весьма прехорошенькой женщины с точеной фигурой и упитанными ножками, но на пути разгорающейся страсти гранитным утесом возвышался ее муж, также артист, который сопровождал супругу во всех увеселительных мероприятиях.

Поначалу поручик Варнаховский хотел банально опохмелить мужа и уединиться с певицей в одном из кабинетов «Эрмитажа». Дело представлялось простым, да и продвигалось довольно активно: супруг певицы выпил разом шесть бутылок шампанского и готов был приступить к следующей полудюжине, но вдруг почувствовал подвох, принялся подозрительно посматривать на раскрасневшуюся жену, буквально сомлевшую от ласковых взглядов поручика, и тотчас отказался от спиртного. Предстояло придумать что-то похитрее. И тут в парадном мундире в ресторан неожиданно зашел чиновник по особым поручениям, разыскивавший поручика Варнахов-

ского с тем, чтобы тот заменил неожиданно приболевшего начальника караула Зимнего дворца. Сунув чиновнику триста рублей, Леонид предложил разыграть подвыпившего артиста, сообщить ему о том, что явился именно к нему с поручением от самого императора, дабы немедленно пригласить в Петергоф на предстоящий вечерний концерт. Хмель слетел с певца мгновенно. Прежде подобных предложений к нему не поступало. Отказываться от подобной удачи было бы несусветной глупостью. Заскочив за парадным фраком на съемную квартиру, он тотчас умчался в Петергоф, оставив молодую жену на попечение поручика лейб-гвардии. При самом благоприятном исходе обманутый супруг мог вернуться только к вечеру следующего дня. Для того чтобы посодержательнее познакомиться с привлекательной женой артиста, у Варнаховского было предостаточно времени. И как только обманутый муж отправился в карете в Петергоф, поручик заказал ящик шампанского и отвез актрису к себе в особняк.

Так что сладко проведенное время никак нельзя было назвать потерянным. На Фонтанку, где находилась их съемная квартира, он отвез актрису во второй половине следующего дня. У дамы оставалось еще немало времени, чтобы привести себя в порядок после бессонной ночи и выглядеть к приезду мужа невинной. Распрощавшись у самого порога, они договорились о том, что следующую встречу проведут в лесу. Варнаховский смел надеяться, что подобные свидания станут регулярными – уж больно хороша была актриса!

В общем-то, все дни были расписаны по часам, хотя и не отличались особым разнообразием: днем спал, а вечера проводил в ресторанах, где шумное веселье и кутежи зачастую затягивались до самого утра. Редкий день он возвращался домой без понравившейся девицы. Порой наведывался в театр, где буфет с его роскошным ассортиментом мало чем отличался от столичной ресторации. Но главное преимущество буфета заключалось в том, что всегда имелась возможность пригласить за свой столик понравившуюся актрису.

В этот раз поручик Варнаховский решил дать себе небольшое отдохновение, а потому, проспав до одиннадцати вечера, он направился в «Эрмитаж», где его ожидали приятели-гусары. Едва он перешагнул порог заведения, как к нему навстречу выкатился однополчанин корнет Борис Салтыков – невысокого росточка, краснощекий, с отвислыми мясистыми щеками, невероятно добродушного вида. Будучи юнкером и при этом имея состояние не меньше, чем персидский шейх, он прославился тем, что в одном из залов «Метрополя» устроил манеж для своих рысаков. А когда его принимали в полк, что было связано со старинной традицией выпить с каждым офицером на брудершафт по фужеру шампанского, он не только не упился, что обычно случается с каждым вновь прибывшим корнетом, но даже отправился «христоваться» в Гродненский полк, стоявший по соседству, для чего заказал целую карету шампанского.

Салтыков был добрым малым и невольно вызывал улыбку

у всякого, кто с ним общался.

– Леонид! – раскинул Салтыков руки. – Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть. – И тихим заговорщицким тоном продолжил: – Надеюсь, что Дуняша оказалась барышней аппетитной и ты в ней не разочаровался.

Варнаховский скупно улыбнулся, всем своим видом давая понять, что обсуждение прошедшей ночи – не самое достойное гусарское занятие. И вместе с тем веселая лукавинка в его глазах свидетельствовала о том, что ему есть что вспоминать.

– Тут такое дело, к нам подсел ее муж...

В действительности ресторан «Эрмитаж» являлся некоторым филиалом Гусарского Его Величества полка, где за офицерами были закреплены не только столы, но в случае необходимости – тихие кабинеты для частных встреч. Леонид посмотрел в угол, где обычно организовывались «гусарские собрания». Так и есть! У окна, заняв едва ли не лучшее место за столом, сидел муж артистки и что-то оживленно рассказывал своим собеседникам, энергично размахивая руками.

– Вот как, – усмехнулся Варнаховский. – Это даже интересно. Он о чем-нибудь догадывается?

– Похоже, что нет.

– Или он хитрец, каких мало, или действительно великолепный артист. Впрочем, в последнем не сомневаюсь.

За столом, отгороженным от остальной части зала тяжелыми цветастыми портьерами, сидели три офицера из со-

седнего полка: два поручика, невероятно похожие внешне, отличаясь друг от друга разве что мастями, – первый был блондин, а второй брюнет, с черными, будто вороное крыло, волосами, – и один штабс-капитан с великолепными рыжими усами. Всю троицу Варнаховский знал по совместно-му времяпрепровождению. Поручики слыли большими театралами, но он полагал, что их больше интересует канкан в исполнении кокоток, нежели «Ромео и Джульетта» со стареющими балеринами. Штабс-капитан был вызывающе молод и дружелюбен. Впрочем, как и всякий человек на его месте, сумевший ухватить удачу за хвост. Три года назад он женился на шестнадцатилетней графине, сбежавшей к нему от строгих родителей ради большой любви. Но уже через шесть месяцев суровый папаша сменил гнев на милость, простил сумасбродную дочь и дал за нее большое приданое. Так что уже более двух лет штабс-капитан проживал в роскошном особняке на Васильевском острове и, судя по тому, как он располнел за последний год, стал понемногу забывать о тяготах военной службы.

– Расскажите, милейший, как вы выступили перед императором, – с живейшим интересом спросил Варнаховский, присаживаясь рядом.

– Господа, это был чей-то дурацкий розыгрыш! – взволнованно заговорил артист. – Я приехал в Петергоф, выложив за извозчика пятнадцать рублей, а меня там никто не ждал!

– Какая досада... И что же вы? – голосом, полным искрен-

него сочувствия, спросил Варнаховский. Почему-то в эту самую минуту ему припомнилось белое тело его прехорошенькой жены, возлежавшее поверх атласных одеял, отчего он невольно сглотнул. – Поехали назад?

– Мне ничего более не оставалось, как заночевать в придорожной гостинице. Вы даже представить себе не можете, какой это был кошмар! – прижал артист к груди холёные полные руки. – Мало того, что там было полным-полно клопов, так в гостиницу заявились еще какие-то базарные комедианты! Они так свистели в свои дудки, что у меня от этих звуков просто закладывало уши. Так что в город я заявился разбитым и усталым настолько, что не передать словами.

– Представляю, как вам обрадовалась ваша красавица жена. Вот она уж вдохнула в вас силы, – живо произнес Варнаховский.

На лице артиста промелькнуло блаженство: было видно, что ему есть что вспомнить, и прошедший день не был для него бесцельно потраченным. Не замечая плутоватых улыбок господ офицеров, он с жаром продолжал:

– О да! Дуняша у меня такая умница. Она просто утопила меня в своей нежности.

Дуняша принадлежала к той категории женщин, которые особенно рьяно замаливают перед мужем свои мелкие грешки, что дает им право вновь оказаться в крепких объятиях своего тайного воздыхателя.

Офицеры дружно рассмеялись.

– Мы несколько не сомневаемся в этом, – хитроватым взглядом покосился штабс-капитан на Леонида Варнаховского. – Ведь она так чувствительно играет любовь на сцене! Можно только предполагать, какая она в жизни. Знаете что, Павел Иванович, вы необычайно счастливый человек. Заполучили в собственность такую женщину!

Круглое лицо артиста расплзлось в довольной улыбке. Не замечая откровенной иронии, он сказал:

– В самом деле, господа! Вы даже представить себе не можете, насколько я счастлив. Дуняша у меня такая очаровательная, такая замечательная... У меня просто нет слов передать вам все то, что я чувствую к ней, – произнес артист дрогнувшим голосом.

Варнаховский высоко поднял фужер с шампанским.

– Господа, я предлагаю выпить за любовь!

– Замечательный тост, – дружно отозвались за столом.

Бокалы столкнулись, выплескивая шампанское на расставленные на столе салаты.

– А вы почему не пьете? – обратился Леонид к артисту, ловко подцепляя вилкой ломтик ветчины.

Артист чувствовал себя невероятно сконфуженным.

– Дело в том, господа, что у меня сегодня генеральная репетиция. Поверьте мне, я никак не могу, – прижал он полные руки к пухлой груди. – Меня просто не поймет ни директор театра, ни режиссер.

– Что же это получается, любезнейший, – энергично рабо-

тал челюстями поручик. – Мы здесь пьем за любовь и дружбу, а вы сидите, как стеклышко, совершенно сухой и на нас эдак пренебрежительно поглядываете.

В дальнем конце зала, заглушая речь, заиграл оркестр. Стараясь перекрыть громкие аккорды, артист подался вперед, и теперь Варнаховский мог рассмотреть его на расстоянии вытянутой руки. Казалось странным, что у такой красивой женщины, как Дуняша, мог быть столь невыразительный супруг. Одутловатое лицо делало его отталкивающим; кожа под скулами слегка обвисла, а толстую шею пересекали длинные глубокие морщины. Артист был склонен к полноте; через каких-то пяток лет он превратится в кусок сала, и тогда скакать по сцене ему станет значительно труднее – впрочем, как и присматривать за своей очаровательной женой.

– Помилуйте! – глаза артиста широко округлились. – Я очень горжусь вашей дружбой. Мне приятно находиться в замечательной офицерской компании, но я просто должен держаться. Сегодня у нас генеральная ре-пе-ти-ция! – произнес он по слогам. – Меня могут отстранить от спектакля, если я заявлюсь выпивши.

– Давайте, господа, выпьем за милых дам! – предложил Варнаховский.

– Великолепный тост, – похвалил блондинистый поручик, подвинув фужер.

Штабс-капитан с рыжими пышными усами подхватил бутылку с шампанским, ловко выдернув пробку, и скомандо-

вал:

– Подставляйте бокалы, господа офицеры! Наливаю по полной!

– Предлагаю выпить за женщин стоя.

Шумно двинулись от стола стулья. Бокалы встретились в одной точке с мелодичным звоном и плеснули шипящим напитком прямо на поданные блюда.

– Так что же вы здесь делаете, любезный, если совсем не пьете? – спросил Варнаховский, усаживаясь на прежнее место.

– Понимаете, тут такое дело, – смутился артист. – Я знаю, что вы большой друг моей супруги...

Леонид невольно насторожился: разговор начинал приобретать неприятный оборот. Интересно, до чего еще додумается этот лицедей?

– Ну-у... Вы преувеличиваете. Мы просто любезно раскланиваемся при встрече, иногда разговариваем. Вот и все. А в чем, собственно, дело? Вы меня хотите в чем-то обвинить?

Артист отпрянул назад, будто обжегся.

– Боже упаси! Не подумайте чего-то дурного... Я совсем не то имею в виду... Просто, когда я пришел на квартиру, то моей жены не было дома. Я очень переживал за нее, ведь она единственное, что у меня есть. Я люблю ее по-настоящему. Она пришла такая взволнованная и, как мне показалось, была немного не в себе. И вот я хотел бы узнать у вас: может

быть, вы как близкий ее знакомый знаете, где она была в это время. Дуняша бывает со мной не до конца откровенна, и у меня есть основания предполагать, что она просто не ночевала дома.

– Вы что, шпионите за своей женой? – посуровел Варнаховский.

– Поймите меня правильно, господин поручик, – перепугался артист. – Я не имею в виду ничего такого, просто я очень за нее переживаю.

Разговор за столом умолк, офицеры внимательно прислушивались к беседе артиста с гусаром, гораздым на всякого рода розыгрыши и забавы. Штабс-капитан даже отложил в сторону вилку и откинулся на стул, приняв более удобное положение.

– Вы что, любезнейший, хотите сделать меня соглядатаем вашей ненаглядной супруги? – Брови Леонида сомкнулись у переносицы.

– Вовсе нет, как вы могли подумать о таком?! – не на шутку перепугался Павел Иванович. – Просто я бы попросил вас как друга нашей семьи повлиять на нее.

– Вы о многом меня просите, милейший, – малость смягчился Варнаховский. – К делам вашей жены я не имею никакого отношения... Господа, вы посмотрите на нашего уважаемого Павла Ивановича. Он не пьет!

– Это непорядок, – покачал головой брюнет.

– Совершенно не по-нашему, – поддержал Леонида

штабс-капитан, поглаживая усы.

– Господа, Павел Иванович не любит дам!

– С чего вы это взяли?! – перепугался тот.

– А потому что вы за них не пьете!

– Вы же знаете, что мы делаем с такими людьми! Давайте искупаем его в бассейне!

– Господа, я не могу, мне предстоит генеральная репетиция! Я никак не могу! – запротестовал артист, пытаясь вырваться из крепких офицерских рук. – Что скажут мои коллеги, когда я заявлюсь в театр в подобном виде?

Офицеры дружно поднялись, подхватили сопротивлявшегося артиста под руки и за ноги и слаженно, под громкий смех собравшихся, потащили к бассейну. На какое-то время умолк даже оркестр, а дирижер, вытирая полотенцем испарину, выступившую на блестящей желтоватой макушке, с отеческой улыбкой посматривал на развеселившихся офицеров. Палочка взмост вверх в тот самый момент, когда артиста подтащат к бассейну, а в воду он упадет под барабанный бой. Все присутствующие воспринимали происходящее как часть ресторанного развлечения, смотрели на офицеров с понимающими улыбками, кому здесь было не до смеха, так это раскрасневшемуся артисту. Он немилосердно ругал себя за то, что появился в ресторане в неурочный час. Будь он более дальновиден, так сидел бы сейчас на диване в объятиях своей ненаглядной супруги.

– Ваше сиятельство, граф! – вопил он, обращаясь к штабс-

капитану с рыжими усами. – Хотя вы как-то повлияйте на офицеров! Ведь это же форменное безобразие.

– Ничем не могу помочь, голубчик, – ответил штабс-капитан, сгибаясь под тяжестью огромного холеного тела. – Пить за женщин – это святое! А вы, батенька, нарушили заповедь. Стало быть, должны поплатиться. Ну и тяжеловаты же вы, однако!..

Артиста, наконец, подтащили к бассейну, раскачали и на счет «три» под удары барабанов бросили в воду, окатив волной сидевших около бассейна группу молодых людей с певицами из оперетты. Девицы тонко взвизгнули, отряхивая с блестящих платьев воду, а молодые люди делано растянули губы, давая понять, что оценили шутку по достоинству.

Под барабанную дробь и громкие аплодисменты посетителей Павел Иванович выкарабкался из бассейна, оставив на красном ковре обильную дорожку воды, и, сложив руки по швам, делано поклонился на три стороны, как и подобает настоящему мастеру. После чего в большом поклоне согнулся перед офицерами:

– Покорнейше благодарю, господа офицеры.

– Право, не стоит благодарности, – разглядил усы штабс-капитан. – Это нам совершенно ничего не стоило.

– Вот вам, сударь, четвертной на извозчика, – сунул руку в карман Варнаховский. – Не идти же вам по городу в таком непотребном виде. И не забудьте передать мои самые наилучшие пожелания вашей дражайшей супруге.

– Непременно-с. – Взяв протянутый четвертной, артист добавил: – Смею надеяться, что я сполна заработал эти деньги за показанную антрепризу. А теперь позвольте откланяться.

Распрямив спину, артист вышел из ресторана под дружные хлопки собравшихся.

* * *

Вместе со всеми, проводив долгим взглядом удаляющегося артиста, сдержанно захлопал и Александр Петрович Уваров. Облаченного в простой неброский синий фрак, его трудно было признать за хозяина всесильного Третьего отделения. Кирилл Федорович, сидевший напротив, разглядывал офицеров, предававшихся веселью. По их разгоряченными лицам было понятно, что это не последняя их шутка в предстоящий вечер. День для них сложится весьма благоприятно, если им удастся избежать объяснений с полицией. Обычно такие профилактические беседы заканчиваются в кутузке, куда позже заявляются офицеры во главе с командиром полка в качестве поручителей за проштрафившегося сослуживца.

Кирилл Федорович хмыкнул: знаем, проходили! Он не терпел гусарщину, и будь его воля, так он к каждому из них приставил бы по городовому.

– Что вы на это скажете? – повернулся Александр Петро-

вич к Бобровину.

– Полагаю, что господину артисту придется несладко. Сейчас не самое лучшее время для купания, он может простудиться и заболеть.

Уголки губ Уварова едва дрогнули, слегка надломив небольшой шрам на правой щеке.

– Я в очередной раз покорен вашей пронизательностью. Кто этот человек, которого они искупали в бассейне?

– Это артист. Муж той самой девицы, с которой господин Варнаховский провел всю ночь.

– Забавно, право... А что же в это время делал сам артист? – спросил Александр Петрович.

– Его отправили в Петергоф – якобы его неповторимое пение хочет послушать сам государь.

– Как же это им удалось?

– Они подговорили чиновника по особым поручениям сообщить об этом артисту. Разумеется, тот ему поверил.

– Однако этот Варнаховский очень остроумен. – Кирилл Федорович лишь слегка кивнул, мягко улыбнувшись. Кажется, его кандидатура нашла поддержку. – И с чужой женошкой весело время провел, а еще и мужа ее в фонтане искупал! Вижу, что наш поручик лейб-гвардии – натура не только очень увлекающаяся, но и весьма находчивая. Именно такой человек будет полезен для предстоящего дела.

– Полностью с вами согласен, господин граф. Он шага не сделает без того, чтобы кого-нибудь не надуть. Если дать его

характеристику вкратце, то он неслыханный авантюрист, гуляка, какого вряд ли сыщешь во всем Петербурге, бабник... в общем, лучшей кандидатуры и не пожелаешь, – с едва заметной усмешкой добавил Бобровин.

– Жду вас к себе завтра. Наше дело не терпит отлагательств. Полагаю, вы отыщете подходящую причину, чтобы поручик не уклонился от визита.

– Не сомневайтесь, ваше сиятельство, я подберу подходящие слова, – с готовностью произнес начальник первой экспедиции.

Допив коньяк, они ушли так же незаметно, как и пришли.

Глава 3

Погоняй, голубчик!

Артиста проводили, но веселье продолжалось. В зале под негромкую музыку пел немолодой седовласый французский шансонье. Поговаривали, что хозяин заведения выписал его из Парижа за большие деньги. И, надо полагать, не прогадал, ресторан становился все более популярным: многие шли сюда, чтобы послушать его пение с грассирующей «р».

– Господа, что-то наш Борис сегодня не в духе, – покачал головой Варнаховский. – Право, я не узнаю вас совсем. Может, что-то случилось? Так вы доверьтесь нам, своим друзьям, кто еще может помочь вашему горю, как не мы.

– Право, корнет, сегодня вы почему-то совсем не в духе, – поддержал его штабс-капитан. – Вы прямо на себя не похожи.

– Господа, – капризно надул щеки Салтыков. – Помните Марусю, с которой я познакомил вас месяц назад в театре Марка Бергольца?

– Разумеется, Борис, – охотно ответил Варнаховский, вспоминая полную невысокую девушку в красном платье. Тогда на ее правой груди были наклеены две «мушки», надо полагать, они хранили какие-то секреты интимного характера. – Вы весьма подходили друг другу. Помнится, я тогда вам об этом и сказал.

– Верно, поручик, – кивнул корнет. – Так вот, две недели назад она увлеклась секретарем губернской канцелярии. И сейчас в это самое время в его доме должна состояться помолвка с моей бывшей невестой.

Губы Бориса Салтыкова обиженно поджались. В этот момент он напоминал малолетнего ребенка, у которого отняли любимую игрушку. Казалось, сейчас он должен захныкать, однако этого не произошло. Неожиданно он заинтересовался тонко нарезанными малосольными огурчиками и, подцепив крошечный ломтик, с хрустом зажевал.

– Господа, что же это такое получается? – возвысил голос Варнаховский. – Чтобы какой-то штатский обижал нашего товарища!

– Это непозволительно! – воскликнул блондинистый поручик.

– Что вы предлагаете? Вызвать его на дуэль? – с интересом посмотрел брюнет на Варнаховского.

Глаза Леонида весело блеснули, как случилось с ним всякий раз в предвкушении занятой потехи.

– Поединок не для таких типов, как он, господа. Я предлагаю куда более веселую забаву. Положитесь на меня, предлагаю выезжать немедленно, все объясню в дороге!

– Даже как-то не знаю, господа, – засомневался штабс-капитан. – С минуты на минуту должны появиться шансонетки Бергольца. – Заговорщицки улыбнувшись, добавил: – И на одну из них у меня имеются определенные виды.

На какую-то минуту внимание офицеров привлекла певица, вышедшая на сцену после шансонье. Оживленное полненькое лицо исполнительницы дополнил крайне откровенный наряд, разжигающий даже самую вялую мужскую фантазию. Выставив стройную ногу вперед, она затянула какую-то кабацкую песню с лихим бравурным шиком.

– Что ж, штабс-капитан, мы бы не хотели помешать вашим планам. А вы, господа, – повернулся Варнаховский к двум поручикам, – надеюсь, составите нам компанию?

– С удовольствием, – ответил русоволосый поручик с тонко подстриженными усами, ожидая продолжения потехи. – Думаю, это будет презабавно.

– Куда же я без вас? – вздохнув, возразил штабс-капитан. – Вместе сидели за столом, вместе и уйдем.

Расплатившись с официантом, впятером спустились на набережную, где стояли экипажи.

– Ваш благородь, – крикнул лихач, заметив выходящих из ресторана офицеров. – Давайте сюда! С ветерком прокачу!

Варнаховский подошел к извозчику и критическим взором осмотрел лошадь.

– Что-то у тебя, голубчик, лошади в скверном состоянии. Давно ли ваксой копыта мазал?

– Обидеть хотите? – оскорбился возница. – Каждый выезд копытной мазью мажу. Понимание имею, каких господ возить приходится. Они ведь на дрянной лошади и не поедут, им все лучшее подавай! – Вытащив щетку на длинной ручке,

протянул ее поручику. – Вы понюхайте, ваш бродь. Ежели несвежее, так оно и не пахло бы, а так за версту тянет.

– Чую, братец, чую... Мазал! – отстранился Леонид. – Ты бы мне в нос не совал свою щетку. Ладно, господа, поедем, – сказал он товарищам. – Это как раз то, что нам нужно.

Через пятнадцать минут выехали к Рождественскому переулку и остановились у небольшого особняка с низенькими окнами. Через тонкую ткань занавесок, подсвеченных желтым цветом, были видны нечеткие фигуры.

– Ты вот что, милейший, – обратился Варнаховский к кучеру. – Обождешь нас немного. Получишь трешницу.

– Ваш бродь, да за такие деньги... Э-эх!

– Где там у тебя, милок, щетка была с ваксой?

– Возьмите, ваш бродь, только пошто она вам?

– И ваксу еще.

– Пожалте.

– Ты, любезнейший, не переживай, найдем применение, – взял Варнаховский щетку с флакончиком ваксы. – Верну в полной сохранности.

– Да я не переживаю, просто как-то чудно!

Таясь в густой тени, офицеры приблизились к небольшому особняку, через приоткрытое окно слышался негромкий сдержанный разговор. Кто-то смеялся. Помолвка обещала закончиться семейным ужином. Гостиная была полна народу, и через небольшую щелку можно было рассмотреть собравшихся за большим столом мужчин, одетых в парадные

фраки, и женщин в длинных вечерних платьях.

– Что-то я не вижу Маруси, – с волнением прошептал Салтыков, стоявший рядом.

– Ничего, отыщем, – пообещал Варнаховский, двинувшись вдоль фасада здания.

Приостановился Леонид около затемненного окна, в котором отчетливо просматривались две фигуры: одна мужская, высокая, с массивной коротко стриженной головой, и женская – росточка невысокого, но плотной крепенькой позитурой.

Мужчина по-свойски приобнял женщину, уверенно тискал ее за плечи, понемногу подталкивая к небольшой софе, стоявшей в самом углу комнаты. По его страстно-напряженному лицу было понятно, что на ближайший час относительно дамы у него имеются весьма приятные планы.

Девушка, теснимая кавалером, отступала крохотными неуверенными шажками. Борис, стоявший рядом, сдавленно застонал.

– Ах, вот оно как. Мне-то все поцелуйчики в ладонь доставались, а ему вот оно что...

Штабс-капитан, прильнув к окну, с интересом наблюдал за разворачивающимся спектаклем, позабыв о том, с какой именно целью заявился к особняку. Судя по всему, молодым людям предоставили некоторое время, чтобы они получше узнали друг друга. И по тому, как решительно атаковал мужчина, становилось ясно, что предоставленные минуты он ре-

шил использовать с максимальной полезностью.

– А франтик-то знает, что делает, – высказался штабс-капитан. – Смело орудует.

– Ну, что, господа, приступим! – произнес Варнаховский. – Дело привычное. Надо как-то помешать этим играшам, а то ведь так и до греха недолго.

От предвкушения предстоящей забавы поручик с соломенными волосами мелко рассмеялся. Не до веселья было только Борису Салтыкову, который все больше хмурился и тяжело сопел.

– Господа, а может, все-таки дуэль? – предложил брюнет. – Я ему покажу, как чужих невест отбивать.

– Да полноте вам, сударь, – вяло отмахнулся Варнаховский. – Мы придумали кое-что поинтересней. Уверю вас, он надолго запомнит наш сюрприз!

Несмотря на мелкие шажки молодые уже дотопали до софы. Правая рука жениха охально потянулась к платью невесты, приоткрывая сдобные бедра, стянутые черными ажурными чулками. Зрелище прелюбопытное, коли наблюдать за ним через крохотную щелочку. В полной уверенности, что его никто не потревожит, франт приподнял платье повыше, оголяя рейтузы с ажурными ляжками.

От увиденного челюсть Варнаховского малость отвисла, и он показал хищные ровные зубы, а Борис, стоявший по другую сторону окна, нервно сглотнул. Ему таких вольностей не позволялось.

Поручик негромко постучал в окно: жених тотчас отдернул руку, а девушка испуганно ойкнула. На лице штабс-капитана отразилось некоторое разочарование: он явно рассчитывал на продолжение сцены.

Мужчина рассеянно посмотрел по сторонам и негромко спросил:

– Кто там?

В ответ Варнаховский застучал в оконную раму погромче. Спрятавшись во тьме, он был неразличим со стороны комнаты.

Выпустив из объятий невесту, чиновник подошел к окну и принялся пристально всматриваться в темноту. Выглядел он раздосадованно. Ничего не разглядев, вернулся к своей невесте.

– Дорогая, там никого нет. Не тревожься, это ветка дерева. Ветер!

Поручик хмыкнул. Начиналось самое интересное. Громко, отбивая костяшки пальцев, он вновь заколотил по оконной раме.

– Это что еще за дьявол! – Оставив невесту, молодой человек решительным шагом подошел к окну и, распахнув форточку, выглянул наружу. – Послушайте, прекратите безобразие! Ваши дурацкие шутки могут для вас плохо закончиться, я вам обещаю! Я лично знаю полицмейстера, а он...

Расхохотавшись, русоволосый поручик со штабс-капитаном ухватили жениха за волосы, а Варнаховский, вооружив-

шись щеткой, принялся мазать ваксой его лицо.

– Что вы делаете?! Прекратите! – сопротивлялся франт.

– Это тебе, голубчик, от нас подарок. Будешь знать, как воровать чужих невест. Эх, какие славные усы получились! – мазал поручик щеткой в обе стороны. – А теперь бакенбарды нарисуем. Ох, как симпатично получилось! Что скажете, господа?

– Хорош! – с веселым смехом отозвался штабс-капитан. – Еще бороду не помешает нарисовать, тогда в самый раз будет.

Щедро измазав щетку в ваксе, Леонид Варнаховский с охотой откликнулся:

– Это мы мигом... Вот так... А славная получилась борода!

Жених попытался вырваться из крепких рук. Тщетно!

– Это безобразие! Я буду жаловаться!

– А хорошо получилось! – не переставал хвалить собственную работу Леонид. – Прямо как с картинки! Ты уж, милый, извини, что мы тебя задержали. Тебя, наверное, невеста уже заждалась. Ступай себе, милоч, передавай от нас привет!

Отпустив перемазанного франта, офицеры заторопились к поджидавшей повозке.

– Ну и учудили вы, господа! – произнес в восхищении возница. – Всю рожу ему размалевали. А он глаза вытарачил и зенками во все стороны сверкает...

– Ты бы уж, голубчик, поменьше разговаривал, – плюхнулся Варнаховский на сиденье. – Тебе ведь, сударь, не за разговоры платят.

– Оно, конечно, так...

– Чего ты, милок, уснул, что ли? Погоняй лошадок!

– Слушаюсь, ваше благородь! – с готовностью отозвался извозчик, опустив длинный кнут на спины лошадей. – Пошла, родимая!

Экипаж дернулся и понесся в темень.

Двери особняка с громким стуком распахнулись, и на порог, яростно размахивая руками, выскочило несколько мужчин. Впереди крупный молодой человек с перемазанной физиономией; следом, плотной гурьбой, устремились остальные гости.

– Держи их! – кричал перемазанный.

– Хватай!

– Запрягай лошадей! Я их достану!

В венгерке и с большими густыми усами на пороге предстал коренастый гусар с пистолетом в правой руке. Бабахнул громко выстрел, заставив вышедших на крыльцо дам пронзительно вскрикнуть и зажать уши.

– Господа, предлагаю вам продолжить вечер, – сказал Варнаховский, когда особняк остался далеко позади.

– И что именно вы можете предложить? – с готовностью отозвался русоволосый поручик.

– У меня на примете имеется отличное местечко, где мож-

но сыграть в баккара.

– А дамы там будут? – спросил штабс-капитан, разглаживая указательным пальцем непокорные усы. Офицер пребывал в хорошем расположении духа и готов был продлить удальство и ухарство до самого утра.

– Разумеется, граф! Будут шансонетки из Франции, а кроме того, имеется несколько пустующих комнат. А еще обещаю вам великолепное шампанское.

– Чего же мы тогда так плетемся? Ты бы, голубчик, погонял!

Глава 4

Карты вскрыты, господа

Место, которое рекомендовал Варнаховский, находилось близ Театральной улицы, в большом особняке с греческими колоннами у центрального входа. Прошагав мимо швейцара с огромной окладистой бородой и в золоченой ливрее, офицеры шагнули в распахнутую дверь и вошли в просторную гостиную. Сразу стало понятно, что веселье в полном разгаре. За огромным столом, заставленным бутылками с шампанским, сидело несколько мужчин во фраках, с картами в руках. Дым, зависший над потолком, казался настолько густым, что его можно было принять за туман. В дальнем углу комнаты на коротких диванах расположились несколько пар и о чем-то негромко разговаривали. Интимность обстановки создавал густой табачный дым, скрывавший лица присутствующих. Среди молодых людей, одетых в венгерки и мундиры, присутствовало несколько человек весьма почтенного возраста, – то были щедрые покровители молодых шансонеток, что сейчас радовали присутствующих своими задорными голосами. Черные шевелюры гусар сочетались с блестящими лысынами старцев, а седую голову можно было встретить в окружении французских баловниц. Любители весело провести время сходились сюда со всего Петербурга. Этот дом был едва ли не единственным местом в городе, кото-

рое не признавало ни чинов, ни званий, и здесь за карточным столом могли сойтись как безусые корнеты, так и убежденные сединами генералы. Это было место, где можно было не только хорошо закусить, но и весело провести время в объятиях понравившейся шансонетки.

И все-таки главным здесь была игра в карты, которая не прекращалась ни на минуту, – она просто переходила от одного стола к другому и по мере убывания гостей могла потерять некоторый свой накал, а по мере прибытия новых визитеров набирала обороты. Всякий, кто перешагивал порог дома Марка Бергольца, чувствовал себя в нем своим. Тут он непременно бывал обласкан, напоен и накормлен. А потому, переступая порог этого заведения, многие просто теряли чувство времени, пропадая в его стенах днями и неделями, забывая как про военную службу, так и про отчий дом.

Вошедшего Варнаховского и его приятелей встретили громким ликованием. Откуда-то из соседней комнаты приволокли ящик шампанского и не отпускали их до тех пор, пока каждый из них не выпил по бутылке. После чего отпустили с миром, а именно за карточный стол, где уже сидело четыре человека.

Опустившись на свободный стул, Леонид бодрым голосом поинтересовался:

– Вот что играем, господа?

– Разумеется, в баккара, – ответил кавалерийский майор, сидевший рядом.

В дальнем углу, устроившись на коленях мужчины лет сорока пяти, сдержанно пискнула кудрявая шансонетка, невольно заставив обратить на себя внимание. Девицу Варнаховский не знал, что, впрочем, не удивительно. Самые хорошенькие из них в доме Бергольца не задерживались: за получив желанное покровительство, они съезжали на оплачиваемую квартиру с полным довольствием, а ежели повезет, так и вовсе выходили замуж за своих благодетелей. На их место предприимчивый Берголец выписывал из Франции других, столь же хорошеньких, которые могли своим жеманством и кокетством смутить самого несговорчивого толсто-сума.

Вряд ли кудрявая девица останется свободной. Через какое-то время на нее обратит внимание провинциальный корнет, приехавший в столицу за приключениями, и вместе с простреленным стрелой Амура сердцем бросит к ногам кокетки батюшкины имения и миллионы.

А вот мужчину с блестящей лысиной поручик знал прекрасно. Это был Николай Константинович Уланский, действительный тайный советник, возглавлявший железнодорожный департамент. На всех, кто встречался с ним в различных домах Санкт-Петербурга, он производил впечатление блюстителя нравственности. Глядя на его напускную чопорность, трудно было поверить, что он любил держать на своих коленях молодых кокоток. Не стесняясь направленных в его сторону взглядов и пребывая изрядно навеселе, он без-

застенчиво лапал девицу грубоватыми ладонями по всем пикантным местам, тем самым вызывая все новые приступы хохота.

– А ви озольник, – смеялась француженка.

Штабс-капитан и поручики, отыскав среди присутствующих своих знакомых, тотчас были вовлечены в оживленный разговор. Наверное, среди общего веселья чужим чувствовал себя лишь Борис Салтыков, искоса поглядывая на раскрепощенных девиц.

– Это карточный салон? – спросил он у Варнаховского.

– Это и театр, и аристократический салон, приятель. Здесь вы всегда можете отыскать девицу по душе. А с вашими-то капиталами вам здесь будут необычайно рады. Так что смело можете подойти к любой из них, и уверяю вас, ни одна из них вам не откажет! Кстати, многие из них впоследствии весьма недурно устраивают собственную судьбу, а некоторых я видел даже на балах у императора, вот так-то, сударь мой! Кстати, сегодня я весьма небогат, ссудите мне, скажем... тыщонки три? Без таких денег просто стыдно садиться за карточный стол. Вы не смотрите на этот разгул, сюда, братец вы мой, съезжаются самые богатые женихи Петербурга. Здесь ставят на кон доходные дома, имения, целые состояния. Я был свидетелем того, как один полковник проиграл собственную жену.

– Жену? – невольно ахнул Салтыков.

– Чему вы удивляетесь, корнет? Вы, право, как неиску-

шенный гимназист. По-настоящему человека можно узнать там, где царствует страсть. Он истинный только тогда, когда от расклада карт зависит его благополучие. В такой ситуации, братец мой, и рассудок может помутиться. Так как на счет денег?

Сунув руку в карман, толстяк отсчитал три тысячи рублей.
– Возьмите!

Тряхнув стопкой купюр, Варнаховский проговорил:

– Прекрасно! Кажется, на ближайшие полтора часа я обеспечен деньгами. Ну, что, господа, расступитесь! – весело обратился он к играющим. – Надеюсь, вы не откажетесь от легкого заработка? – тряхнул он кипой ассигнаций.

– Прошу вас, поручик, – поднялся со своего места высокий полковник-артиллерист. – Это место счастливое – сегодня мое финансовое положение упрочилось на целое имение. Ха-ха!

– Благодарю вас, полковник, – уселся Леонид на крепкий удобный стул. – Надеюсь поддержать ваш почин.

Поначалу игра не заладилась: в течение какого-то получаса Варнаховский проиграл половину из одолженной суммы, и это при том, что удача буквально терлась о его руки. При первом раскладе он проиграл всего-то два очка, а при следующем пришлось уступить тузу.

Проклиная в душе собственное невезение и полковника, порекомендовавшего ему свое место, Леонид решил попытать счастья в последний раз, поставив на кон пятьсот

рублей. И когда карты вскрыли, он оказался единственным, кто сумел набрать девять очков. Предчувствие подсказывало ему, что это будет не единственная победа за сегодняшний день.

Так оно и вышло. Уже в следующей игре он отдал Борису долг. А еще через два часа усиленной игры заполучил двадцать тысяч сверху. В тот самый момент, когда он уже торжествовал победу и надеялся поднять, возможно, самый крупный банк в своей жизни, над его ухом раздался негромкий вкрадчивый голос:

– Поручик Варнаховский, Леонид Назарович?

Обернувшись, Варнаховский увидел Соломона: костлявого молодого человека с вытянутой лошадиной физиономией, который всегда ошивался в заведении Бергольца и давал деньги в долг под большие проценты. Подчас азарт настолько двигал игроками, что редко кто обращал внимание на кабальные условия. Похмелье наступало потом, когда следовало возвращать долг. Настроение тотчас испортилось. Самое скверное, что столь бесцеремонное появление ростовщика возле стола могло спугнуть удачу, которую Варнаховский лелеял последние три с половиной часа.

– Чего тебе, Соломон? – хмуро спросил Леонид, цепко всматриваясь в лица картежников. По их бесстрастным физиономиям предстояло решить: взять еще одну карту или довольствоваться тем, что имеется.

– Помните, в прошлый раз я вам одолжил десять тысяч

рублей?

Напоминание о долге всегда неприятно, тем более в тот самый момент, когда удача спешит навстречу семимильными шагами.

– Пожалуй, мне еще одну карту, – равнодушно произнес Варнаховский, поглядывая на краснощекого майора-кавалериста с большими пышными усами. От того можно ожидать самых больших неприятностей – за время игры он не выдал своего настроения даже шевелением бровей и неизменно отхватывал от банка наиболее лакомые куски.

Банкиром за карточным столом был лысоватый расфранченный брюнет. Поговаривали, что только в одном Петербурге он держал целую дюжину доходных домов и заявлялся в заведение Бергольца лишь для того, чтобы пощекотать себе нервы очередным проигрышем в сотню тысяч рублей. Трудно было сказать, какое удовольствие получил он в этот раз, но партнеры были весьма довольны его раздачей.

Остановив застывший взгляд выцветших бледно-голубых глаз на Варнаховском, он спросил:

– Прикажете вам еще одну карту или воздержитесь?

– Еще одну, – столь же равнодушно ответил Леонид.

Получив карту, открыл ее медленно, как если бы опасался, что нужная комбинация может исчезнуть, – когда из-под другой карты выглянул краешек короны, он едва сдержал вздох облегчения.

На столе неровной горой лежал банк, червонцы валялись

вперемежку с четвертными билетами; отдельно, по всей видимости, из уважения к великой императрице, аккуратной стопкой расположились «катеньки».

– Итак, господа, предлагаю вскрыть карты, – предложил банкир и первым, подавая пример, положил карты на стол.

После третьей карты дилер набрал всего-то шесть очков – расклад карт испортил пиковый туз, подошедший последним.

Поочередно, будто бы повинуюсь какой-то негласной очереди, открыли карты остальные участники игры. Последним вскрывал карты Варнаховский: небрежнее, чем следовало бы, он положил на стол свои карты. Восемнадцать очков!

– Поздравляю вас, поручик, – холодно произнес дилер, – банк ваш!

– Мне просто повезло в этот раз, – лениво потянулся Леонид к банку. – Надеюсь, что в следующий раз удача будет на вашей стороне.

Забрав деньги, он отсчитал положенные комиссионные и вышел из-за стола. Всегда важно знать, когда следует закончить игру, а поднятый куш должен поставить неплохую завершающую точку.

Марк Берголец, хозяин карточного салона, был не столь бескорыстен, как могло показаться со стороны: с каждой игры он получал свой оговоренный процент, столько же получал за сводничество и за кабинеты, что располагались в глубине особняка. Так что в городе он по праву считался че-

ловеком весьма состоятельным. Ему было вполне по силам прикупить имение близ Санкт-Петербурга и проживать остаток дней в роскоши, однако его деятельная натура, склонная к разного рода приключениям и авантюрам, не давала ему покоя, и он без конца попадал в разного рода конфликты, связанные с обитателями салона.

– Господин Варнаховский, вам сегодня очень повезло, – услышал поручик все тот же елейный голос. – По моим подсчетам, сегодня вы выиграли в карты тридцать две тысячи рублей и восемьсот пятьдесят рублей.

– Вот как? – удивился гусар. – А я думал, что сорвал банк в тридцать три тысячи. Наверняка сто пятьдесят рублей у меня зажал тот тип, что сидел на банке. Пойду и вызову его на дуэль! Причем немедленно! – зло проговорил Варнаховский, удаляясь от докучающего Соломона.

– Леонид Назарович, послушайте, – в ужасе проговорил ростовщик. – Клятвенно вас заверяю, что он не взял у вас ни копейки!

Приостановившись, поручик задумчиво протянул:

– Значит, ты считаешь, что повода для дуэли нет?

– Уверяю вас, что дилер чист перед вами, как слеза младенца.

– Ну что ж, Соломон, я тебе верю. Пускай пока поживет. Ладно, приятно было поговорить!

Хлопнув Соломона по плечу, он направился к своим приятелям, ждавшим щедрого угощения по случаю крупного

выигрыша.

– Леонид Назарович, у меня к вам одно маленькое дельце.

– Все-таки какими назойливыми бывают эти ростовщички, – в сердцах произнес поручик, обернувшись. – Мы с тобой так прекрасно поговорили; чего тебе, Соломон?

– В прошлый раз вы заняли у меня десять тысяч рублей под проценты. И обещались отдать всю сумму через три дня. Бедный доверчивый еврей все это время ждал обещанных денег...

– Соломон, я знаю, что твоя доверчивость не знает границ.

– Что же я скажу своей милой Розалии, когда явлюсь домой без копейки?

Варнаховский тяжело вздохнул:

– Ну что за люди эти ростовщички! Обязательно найдется какой-нибудь тип, который захочет испортить весь праздник. Не каждый день мне удается сорвать такой куш, а тут даже как следует порадоваться не получилось! Деньги им подавай непременно в ту минуту, как они появились... Послушай, Соломон, сегодня я играл на последние десять рублей, давай я рассчитаюсь с тобой завтра.

– Уважаемый Леонид Назарович, послушайте бедного еврея, ему не нужна вся сумма. Мне нужно всего-то десять тысяч рублей, а проценты вы отдадите потом, когда они у вас появятся.

– Что вы за порода такая! Деньги им подавай... Стоит мне только вздохнуть полной грудью, как находится какой-ни-

будь ростовщик, который тотчас захочет меня обобрать! Послушай, Соломон, в следующий раз я тебе дам не десять тысяч рублей, а целых пятнадцать.

– В прошлый раз вы говорили то же самое. Уважьте наконец бедного еврея!

– Ты уж извини, приятель, но на сегодняшней вечер у меня грандиозные планы, и я не хотел бы провести его в препирательстве с тобой. Шампанского! – закричал Варнаховский. – Всем шампанского за мой счет!

Зал охватил восторг. Одна из шансонеток громко взвизгнула, а кое-кто из молодых офицеров, предчувствуя нешуточное веселье, захлопал в ладоши.

– Bravo, господин поручик!

– Я вас очень понимаю, Леонид Назарович, я бы не хотел портить вам праздник. Но вы уж тоже поймите настырного еврея, я ничего не могу с собой поделатать и уж тем более вернуться домой без денег. Если я вернусь с пустыми карманами, что тогда скажет моя любимая теща Сара Иосифовна, а что скажет мой тесть, уважаемый Абрам Моисеевич? Они будут смотреть на меня большими и печальными глазами, да так, что от уныния у меня начнет разрываться сердце. Я непременно должен их успокоить, а потому мне нужно забрать эти десять тысяч рублей.

– Послушай, Соломон, – в голосе Варнаховского послышались угрожающие нотки. – Сейчас у меня нет таких денег. Прежде сговорчивый, Соломон неожиданно сделался

крайне неуступчивым и не желал прислушиваться к угрожающим интонациям.

– Леонид Назарович, зачем же вы вводите в заблуждение бедного еврея? Вы говорите, что у вас нет денег, когда вы только что сорвали куш в тридцать три тысячи рублей и все ваши карманы набиты деньгами.

– Вы, пройдохи, всегда найдете время, когда у офицера окажется немного наличности... Ответь мне, Соломон, каким образом тебе удалось проскочить мимо прислуги? Я ведь сказал – гнать вас всех в шею!

– Но ведь у вас же есть деньги. Господин поручик...

– Соломон, все эти деньги я уже распределил, а с тобой расплачусь в следующий раз. Хочешь, завтра?

– Деньги вы запланировали на девушек, а бедняге Соломону не желаете вернуть его несчастные гроши?.. Где же справедливость? Я бы вас понял, если бы эти деньги были у вас последние.

– Господа! – громко произнес Варнаховский, привлекая к себе всеобщее внимание. – Даю полторы тысячи рублей тому, кто вытолкает взашей этого прохвоста! – показал он на ростовщика. – Пока он здесь, мы не сможем как следует повеселиться.

На призыв поручика тотчас откликнулись три рослых юнкера. Взяв упирающегося Соломона под руки, они пытались вывести его из салона. Но тот, несмотря на невероятную худобу, оказался необычайно крепок и жилист. Не желая по-

кидать салон, ростовщик цеплялся за двери, шкафы, за проходящих мимо людей. Стянул скатерть с карточного стола, разметав по полу разложенные пасьянсы и пустив веером сложенный банк. В какой-то момент даже цапнул зубами за плечо дюжего юнкера, проявившего себя наиболее активно. Прошло несколько утомительных минут, а Соломона даже не подтащили к выходу.

– Господа, вижу, вы очень скверно стараетесь, – подбадривал Леонид. – Неужели вас не интересуется мое предложение? Вы только подумайте, господа, сколько ставок вы можете сделать на эти деньги.

Ситуация забавляла. Раскрасневшиеся, не желавшие сдаваться юнкера как могли переламывали тощую силу, и по тому, как во все стороны летели их пуговицы вместе с выдранными кусками материи, верилось, что обещанные деньги они заполучат не без труда.

Наконец Соломона оттеснили к двери. Ухватившись обеими руками за ручку, тот ни за что не желал отцепляться. Юнкера мотали его тощее тело из стороны в сторону, но ростовщик, будто двужильный, стиснув челюсти, не желал выходить из комнаты.

– Вижу, что он не хочет покидать благородное общество по-хорошему, – сурово произнес Варнаховский, – что ж, будет тогда ему по-плохому. – Вытащив револьвер из кобуры, он приказал: – Юнкера, отойдите в сторонку!

В зале тотчас установилась завораживающая тишина.

Умолкли разговоры за карточными столами, только висячая керосиновая лампа, слегка раскачиваясь, отбрасывала по сторонам кривые тени.

– Так я вас спрашиваю, сударь... Вы по-прежнему не желаете убираться отсюда?

– Господин Варнаховский, я не могу уйти без денег, что скажет моя Розалия, если я...

– Меня не интересует, что скажет ваша дражайшая супруга. Если вы не уберетесь отсюда через секунду, то я вам просто прострелю череп!

Соломон прикрыл глаза.

– Воля ваша, Леонид Назарович, но вы обещали вернуть мне долг еще две недели назад...

– Учти, Соломон, я тебе предупреждал!

Прицелившись, Варнаховский выстрелил. Прозвучавший грохот заложил собравшимся уши. В комнате нестерпимо запахло жженым порохом. Керосиновая лампа, ярко вспыхнув, потухла, погрузив собравшихся во мрак.

– Это что еще за дьявол? – произнес майор, сидевший за карточным столом. Столь недовольный тон может быть лишь у человека, у которого только что перебили банк.

– Не беспокойтесь, господа, я сейчас зажгу, – произнес старый слуга, находившийся в гостиной.

– Это вы, батенька, с пистолетом явно переборщили, – неодобрительно прозвучал рядом чей-то бас. – Кажись, вы его того... угрохали!

– Ничего, все ростовщики очень живучие. А уж этот непременно помрет своей смертью, – бодро отозвался Варнаховский. – Я ведь в него стрелял холостым патроном.

Дверь в соседней комнате открылась. Держа в правой руке канделябр с тремя свечами, в комнату вошел старый слуга в золоченой ливрее. Сняв стеклянный колпак с лампы, он запалил фитиль и, повернув винт, отрегулировал пламя. После чего так же осторожно установил колпак на место. Комната тотчас наполнилась желтоватым ласкающим светом. Лица присутствующих заметно оживились. Взгляд Леонида натолкнулся на прехорошенькое лицо юной модистки (одно из последних пополнений Марка Бергольца), стоявшей рядом с мужчиной лет пятидесяти. Чина его Варнаховский не ведал, однако ему было известно, что тот работает в Министерстве иностранных дел. Юная особа была слегка смущена и счастлива одновременно. Такое случается с дамами всякий раз, когда они слышат признание в любви с предложением руки и сердца. Возможно, сейчас был тот самый случай.

Можно было смело сказать, что девушка вытащила счастливый билет. Собственно, она получила ровно то, что искала в столице, – добродушного толстосума, который будет потакать ее многочисленным прихотям.

Леониду очень захотелось заглянуть в лицо сановника, чтобы увидеть глубину его счастья, но тот упрямо прятал толстое лицо в глубокой тени.

– Господа, да что же это такое?! Боже! – раздался отчаян-

ный женский крик. – Он же убит!

Обернувшись на крик, поручик в ужасе увидел неподвижно лежавшего на полу Соломона.

– Эх, как же вы его так, батенька, – покачал головой майор. – С одного раза уделали...

– Позвольте, господа, – посмотрел по сторонам Варнаховский, как если бы желал найти у присутствующих поддержки. – Это совершеннейшая случайность!

– Тоже мне скажете, случайность, – буркнул невесело артиллерист-полковник. – Прямым попаданием свалили. Хлоп из пистолета, и он готов! Вы, видно, по части дуэли того... большой мастер!

– Уверяю вас, господа, это была всего лишь невинная шутка. Револьвер заряжен холостыми патронами! Зарядил я его из баловства, чтобы покуражиться. Кто бы мог подумать...

– Видно, не усмотрели, вот один боевой патрон и остался... Для вас, милейший, все это может закончиться большими неприятностями, – забасил полковник.

– Что случилось? – выскочил из соседней комнаты Берголец. Глянув на лежащего Соломона, он побледнел. – Ну что же вы наделали, господа?! У меня же приличное заведение! Хотели бы стреляться, так стрелялись бы в другом месте! – в отчаянии произнес он. – Неужели нельзя было обойтись без смертоубийства. Ведь я же умолял вас. Э-эх!.. – в бессилии махнул он рукой. – Доктора, немедленно!

– Уже отправили.

– Позвольте, господа, но я не вижу крови, – нашелся Варнаховский.

– А чего тут смотреть? – веско высказался майор. Невысокого росточка, весьма задиристого вида, он невольно притягивал к себе взгляды присутствующих. – Пуля прошла не навывлет, осталась у него в брюхе, вот крови и не видать. Знаем мы!

– Господа, вы затеяли дискуссию не в самом подходящем месте – давайте лучше перенесем его на диван, а уж там посмотрим, что к чему, – предложил полковник.

Несколько пар рук осторожно подняли Соломона и со всем надлежащим бережением уложили его на софу.

– А крови-то и вправду не видать. Фрак тоже не порван, – сказал задумчиво штабс-капитан.

Ростовщик лежал неподвижно, не подавая признаков жизни. Более неподвижных тел Варнаховскому видывать не приходилось за всю свою жизнь.

– Давайте стащим с него фрак, – предложил полковник. – Барышень прошу отвернуться.

Расстегнули пуговицы, стащили фрак, обнажив тощее тело.

– Ничего нет, даже царапины... Вот только на лбу подтек.

– Это когда он об пол шарахнулся. По всему видать, будет большая шишка.

Веки Соломона слегка дрогнули.

– Да ведь он в обморок с перепугу грохнулся, – рассмеял-

ся штабс-капитан. – Вот оно как. Что же это ты, как барышня, расклеился? Непорядок, Соломон! Перепугал ты нас, вставай! – слегка постукал он ладонями по его лицу.

Наконец Соломон глубоко вздохнул и открыл глаза.

– Ну, вот и славненько, ну и переполошил ты нас! Так ты живой?

– Живой он, – весело сказал Варнаховский, – что станет с этим молодцом.

– Целехонек, вот только голова малость побаливает, – присел на диван Соломон, дотронувшись до огромной шишки на лбу.

– Оно и понятно, Соломон, это оттого, что ты лбом о паркет треснулся. Весь пол разбил! Везучий ты, однако...

– Это отчего же? – недоуменно спросил ростовщик, понемногу приходящийся в себя.

– Другой на твоём месте непременно убился бы, а ты только шишкой отделался.

– Только чего же ты, братец, упал? – обиженно протянул Леонид. – Я ведь в тебя холостым патроном пальнул.

– А кто же его ведаёт, холостой он или женатый... Как вы пальнули, господин Варнаховский, так я и помирать брякнулся. А только когда я открыл глаза, вижу, что кругом темнота; ну, думаю, уже на том свете. А потом рядом шуршание какое-то услышал, думал, что это архангелы надо мной своими крыльями шелестят. А только мне и не страшно было, потому как я уже помер...

– Это, братец, женские платья шуршали, – расхохотался Леонид, довольный тем, что все так благополучно завершилось.

– Расступитесь, господа, – прозвучал от дверей строгий громкий голос. – Дайте мне пройти.

Толпа невольно разомкнулась, пропуская вперед крепкого мужчину лет сорока пяти, в темно-синем фраке.

– А вы, собственно, кто такой? – спросил Марк Берголец, шагнув навстречу незнакомцу по праву хозяина заведения.

Приостановившись, мужчина едва глянул на Бергольца и, не ответив на его вопрос, заторопился к софе, на которой продолжал сидеть Соломон. В его манере держаться и в уверенных жестах было нечто такое, что заставляло относиться к нему с настороженностью. Даже майор – задира и дуэлянт – почтительно отступил в сторону, пропуская неожиданного гостя.

Присев на краешек дивана, тот взял Соломона за руку и, нащупав пульс, принялся отсчитывать удары. Затем столь же бережно положил его ладонь на колено.

– Как чувствуете себя, милейший?

– Скверно. Как будто по башке кто-то колотит.

– Сочувствую вам, молодой человек, у вас был обморок.

Вас, видно, изрядно напугали.

– Вы, собственно, кто такой? – протиснулся сквозь собравшихся Берголец.

– Я тот, которого вы так ждали, господа. – И, остановив

строгий взгляд на хозяине салона, добавил: – И который способен доставить вам очень большие неприятности.

– Право, не стоит драматизировать и принимать все так серьезно, – обескураженно развел руки в стороны Марк Берголец. – Это всего лишь невинная шутка. Молодым людям свойственно разыгрывать друг друга. С кем не бывает!

– Ваши шутки могут довести до арестантских рот. Поверьте мне, уж это я могу вам устроить. А потом, по какому праву вы играете в запрещенные игры? – Лицо незнакомца вдруг застыло, отчего присутствующим сделалось не по себе. Никто даже не удивился, когда он, повернувшись, обратился к оторопевшему Варнаховскому: – А в несчастного, надо полагать, стреляли именно вы?

Сглотнув подступивший к горлу ком, поручик ответил:

– Ну-у... Это только курьезная шутка, патрон был холостым.

Незнакомец достал из фрака носовой платок и, оглушая присутствующих, громко высморкался:

– Чего же вы так напряглись, господа? Я всего лишь полковой врач.

– Ха-ха! Однако вы шутник! – весело рассмеялся Берголец. Погрозив пальцем, добавил: – А мы-то подумали!

Стоявшие рядом офицеры расслабленно заулыбались.

– Вы пошутили, так отчего же и мне не пошутить.

– Тоже верно, – задорно подхватил майор, дружески похлопав полкового доктора по плечу.

– Так во что играете, господа?

– В баккара, – охотно ответил Варнаховский. – Милости просим. Делайте ставку.

– С удовольствием, – сказал гость. – Если эти девушки будут мне подсказывать, – посмотрел он на шансонеток.

– У нас рука легкая, – подошла брюнетка лет двадцати, с высокой прической и развитой грудью. – Мы приносим удачу.

– Вы пока раскладываете карты, а мне вот с этим молодым человеком переговорить нужно, – кивнул он Леониду.

– О чем?

– Вам передавала привет одна ваша хорошая знакомая...

Мне бы не хотелось называть ее имя при всех.

– Если здесь замешана дама... Пойдемте!

Отчего-то поручик ощутил легкое беспокойство.

– Вы только быстро возвращайтесь, – обронила брюнетка в спину удаляющимся мужчинам. – Мы без вас будем скучать.

– Мы не задержимся, – пообещал полковой врач.

В прихожей было прохладно. Непереносимый табачный дым оставался за дверью, из-за которой раздавались оживленные голоса, доносился женский смех. Расстроенное веселье понемногу набирало прежние обороты.

– Так я вас слушаю, сударь... Не имею чести знать вашего имени.

– Хм... Позвольте представиться. Начальник первой экс-

педиции Третьего отделения собственной Его императорского величества канцелярии, действительный статский советник Кирилл Федорович Бобровин.

– Однако... Не ожидал. А роль полкового доктора вы сыграли весьма недурственно.

– Не удивляйтесь. Я прослушал два курса медицины в университете, а потом решил, что это не мое. Так бывает... И решил попробовать себя на другом поприще. И не ошибся в призвании. Но я еще не забыл, как делать клизмы. Ежели желаете, так я с превеликим удовольствием...

– Нет уж... извольте.

– Ну, как знаете.

– Так что вы хотели мне сказать, любезнейший Кирилл Федорович? – спросил Варнаховский, понимая, что разговор пойдет непростой.

– Хочу вам сказать честно, ваши дела скверные. Сыгранная вами шутка пахнет откровенным самодурством. Такое у нас не прощается. Вас ожидает бесчестие, поручик. Вы пойдете по этапу вместе с другими каторжанами.

Леонид оторопел:

– Вы хотите сказать, что за случайный холостой выстрел меня могут подвергнуть уголовному преследованию?

– Милый вы мой, – вздохнул печально Бобровин, – если бы это была ваша единственная провинность... Я говорю о ваших чудачествах в Петербурге. Разве не вы придумали такую забаву: купили *извозчицьи* сани, запрягли в них лоша-

дей, а затем сажали на них господ?

– Что в этом дурного, господин статский советник? – невинно спросил Варнаховский. – Я занимался извозом в свободное от службы время. Знаете ли, в последнее время я очень поиздержался и решил таким образом поправить свое финансовое положение.

– И как, удалось?

– Только отчасти.

– Возможно, я не стал бы возражать против этого, если бы ваша шутка не заходила слишком далеко. Вы отвозили господ прямо в противоположную сторону, а потом сбрасывали их в снег и со смехом уезжали.

– Возможно, и было однажды... из озорства. Так мы поступали с прехорошенькими курсистками.

Кирилл Федорович тяжело вздохнул:

– Дорогой вы мой, ежели бы однажды... А то одних только пострадавших мы насчитали десятка два. И все люди с чинами и в больших званиях! И это только те, кто к нам обратился с жалобой. А сколько было таких, которые и не обращались... А начальника шестого сысканого отделения, прибывшего на доклад к государю, вы стащили с саней на окраине города, и ему пришлось добираться до гостиницы пешком. – Голос Бобровина посуровел. – Только за один такой проступок император вправе разжаловать вас в рядовые и отдать под суд!

– Каюсь, кураж нашел... А может, лишку выпил, с кем не

бывает. Но, кроме этих проступков, за мной более ничего не имеется. Перед государем и Третьим отделением я чист, как стеклышко.

– Как стеклышко, говорите... – нахмурился Кирилл Федорович.

Варнаховский невольно поморщился, а ведь в первый момент, когда тот перешагнул порог гостиной, он принял его за обыкновенного добряка, явившегося в салон, чтобы проиграть сотенную-другую. Это надо же так ошибиться!

– А не далее как третьего дня вы с приятелями разъезжали по городу и разбивали саблями стекла в окнах. А потом под свистки полиции удирали с места злого умысла.

– Право, даже и не знаю, что сказать, – Леонид Варнаховский выглядел крайне смущенным. – Может, вы просто принимаете меня за кого-то другого? Это же форменное ребячество, я здесь ни при чем!

– Это милое ребячество может стоить вам трех лет штрафных рот. И не надо отпираться, милостивый государь! Это все ваши проделки. У меня имеются свидетели. – Бобровин подался вперед, обнажив крупные зубы, как если бы хотел съесть злоумышленника целиком. – А кто же из вас додумался тушить фонари на улице? Великий князь Константин возвращался из своего загородного имения, а на улицах не видно ни зги! Его лошадь сломала ногу, и ему пришлось ехать во дворец на обыкновенном извозчике! Вам этого достаточно? Или мне дальше перечислять ваши подвиги?

– Достаточно, – хмуро произнес лейб-гусар, понимая, что в этот раз его ожидает нечто большее, чем профилактическая беседа в полицейском участке. – Что вы от меня хотите?

– А вот это уже деловой разговор, – одобрительно кивнул Кирилл Федорович. – Давайте мы с вами проедем в одно уютное место. Карета уже стоит у входа.

– Это не казематы Петропавловской крепости? – Прямая линия губ Варнаховского надломилась в злой ухмылке.

– Пока нет... Все будет зависеть от человека, к которому мы сейчас едем, и от того, как сложится ваш с ним разговор.

– Что ж, спасибо за откровенность. Вот только жаль, что не придется доиграть в карты, ведь они уже разложены.

– Надеюсь, вам повезет в следующий раз. – Открыв дверь, Бобровин вышел на лестничную площадку. – Чего же вы стоите? Тот человек, к которому мы сейчас едем, очень не любит ждать.

– Хм... Если дело обстоит именно таким образом... Что ж, – накинув плащ, Варнаховский заторопился вниз по лестнице.

На улице их и вправду поджидала карета, запряженная тройкой жеребцов вороной масти, нервно подергивающих длинными гибкими шеями. У кареты стоял неприметный человек в темном фраке; он распахнул дверцу тотчас, как только Бобровин ступил на брусчатку.

– Пожалте, ваше благородие.

Бобровин подошел к карете и, поддерживаемый растороп-

ным слугой, влез внутрь, расположился на сиденье. Поручик, чуток повременив, влез следом.

Уличный свет проник через небольшое квадратное окошко экипажа, осветив на панелях изысканную резьбу. Сиденья были покрыты пледом, а в ногах лежал толстый ковер. Именно в таких каретах разъезжают чиновники четвертого класса.

Карета тронулась, и обитые металлические обода заколотились по брусчатке.

– Хочу вас предупредить, человек, к которому мы сейчас направляемся, невероятно влиятельный. Если он разгневется, то ни от вас, ни от меня не останется даже застёжек на туфлях. Так что попрошу вас, ради собственной безопасности и для дела, умерить строптивость и внимать каждому его слову. – Взглянув в окно, добавил: – Вот мы и прибыли.

Карета, выкатив в Церковный переулок, подъехала к небольшому двухэтажному особняку с примыкавшим к нему густым яблоневым садом. Кучер привычно натянул поводья, заставив норовистых жеребцов остановиться перед чугунными воротами с ангелами, покрашенными в золотой цвет.

– Пожалте, ваше превосходительство, – распахнул дверцу слуга.

Достоинно, как и полагалось немалому чину, Кирилл Федорович сошел на дорогу, поправив полы задравшегося сюртука, и, не оглядываясь (зная, что поручик топает за ним следом), зашагал на крыльцо, где уже поджидали его слуги, дер-

жавшие в руках факелы.

– Его высокопревосходительство ждут вас, – произнес секретарь, чуть наклонив голову, сдержанно и с почтением.

Прошли в просторный холл с мраморной лестницей, у которой с керосиновыми лампами, явно для торжественности, стояли двое слуг в расшитых золотом ливреях. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять – роскошь здесь почитали и умели ею пользоваться. В пролетах лестницы возвышались обнаженные греческие богини, высеченные из мрамора. Над самым потолком висела огромная бронзовая люстра.

– Пойдемте со мной, я вас провожу, – проговорил секретарь, ступая по ковровой дорожке вверх по лестнице.

Приостановившись у широкой резной двери на втором этаже, сдержанно постучался и, услышав басовитое «входите», предупредительно распахнул перед гостями дверь:

– Проходите.

За огромным столом, покрытым синим сукном, сидел крупный мужчина лет пятидесяти, с тощим лицом, пышными усами, переходящими в широкие курчавые бакенбарды, и густой черной шевелюрой. Оторвав взгляд от разложенных на столе бумаг, он посмотрел на Кирилла Федоровича; более продолжительный взгляд, где читался откровенный интерес, достался поручику. После чего он хмыкнул каким-то своим мыслям и предложил два стула, стоявших подле стола.

– Прошу, господа.

Бобровин, немного пододвинув к себе стул, мягко опу-

стился. Варнаховский, напротив, сел уверенно, заставив жалостливо скрипнуть спинку.

– Вам известно, зачем вы здесь? – спросил хозяин кабинета у Леонида.

– Я рассказал только в общих чертах, – быстро произнес начальник первой экспедиции.

– Прекрасно. Так даже лучше. Я сам введу вас в курс дела. Вам известно, кто я такой?

– Мне кажется, мы с вами как-то встречались.

– Хм... Вижу, вы человек весьма деликатный. Я тоже вас не позабыл. Будучи лицеистом, вы сидели в театре в первом ряду, что вам строжайше запрещено. Я тогда спросил у вас фамилию...

– И я вам ее назвал.

– Совершенно верно. Я сказал адъютанту, чтобы он ее записал. Но потом вы сказали, чтобы я назвал вам свою.

– Так оно и было, ваше высокопревосходительство, вы представились. Сказали, что вы действительный тайный советник Уваров. – Чуть смутившись, добавил: – Дальше вы сказали, что начальника Третьего отделения нужно знать в лицо.

– А что было дальше?

– Я повернулся к своему приятелю и сказал, чтобы он записал вашу фамилию.

Начальник Третьего отделения негромко рассмеялся.

– Это было презабавно. Потом этот случай в качестве

анекдота гулял по всему Петербургу. Право, никак не думал встретить вас еще раз. Но вижу, что вы не пропали. Возможно, оно и к лучшему. Кажется, впоследствии у вас не сложилось с лицом?

– После того случая отца попросили забрать мои документы.

– Забудем старое. Вы весьма сметливый молодой человек и нам подходите. Признаюсь, мы не сразу остановились именно на вашей кандидатуре. Уверен, что у вас неплохое будущее, разумеется, если вы будете следовать нашим рекомендациям.

– Вы предлагаете мне стать вашим тайным осведомителем? – нахмурился Варнаховский.

– Только вы не совсем точно сформулировали свой вопрос. Мы предлагаем вам послужить на благо России. У нее много врагов, как откровенных, так и скрытых. Мы одна из самых незаметных и самых могущественнейших организаций в России, которая работает не на благо какого-то конкретного человека, а действует в интересах Российской империи. Если вам дорога ее судьба, значит, нам с вами по пути. Если же вы считаете иначе... – при этих словах Александр Петрович развел руками, – тогда нам придется с вами распрощаться. Можете считать, что этот разговор не состоялся.

– Вы хотите сказать, что в этом случае я могу просто подняться с этого стула и потопать восвояси?

– Не совсем так, разумеется... Смею вас разочаровать, вы

просто вынуждены будете ответить за те противоправные нарушения, о которых вам уже напомнил Кирилл Федорович.

– Забавно!

– А если вы все-таки соглашаетесь, тогда я буду считать вас патриотом и с удовольствием принимаю вас на службу. Конечно, не сразу, а с некоторым испытательным сроком. И ваша судьба будет зависеть от того, как вы справитесь с заданием, о котором пойдет речь.

– Понимаю. Если я справляюсь с заданием, вы даете мне очередное задание по вашему ведомству. Если же я не справляюсь, тогда вы меня сажаете в кутузку за мои прежние преступления.

Уваров громко расхохотался:

– Вижу, что мы не ошиблись в вас. Вы буквально хватаете все на лету. Так вы согласны?

– Получается, у меня нет выбора.

– Отлично! Вижу, мы договорились. У меня было предчувствие, что мы поладим.

– У меня есть еще один вопрос.

Александр Петрович Уваров пребывал в благодушном настроении.

– Задавайте.

– Надеюсь, эта работа не бескорыстна? Сами понимаете, при том образе жизни, который мне предстоит вести, потребуются определенные траты.

– Вижу, что вы быстро проникаетесь спецификой тайного

агента. Что ж, думаю, этот вопрос мы урегулируем. Вы получите все самое необходимое. Надеюсь, жалованье в тысячу рублей вас устроит?

– Вполне. Это даже больше того, на что я рассчитывал.

– Превосходно. – Положив лист бумаги на стол, Уваров сказал: – Вам нужно будет только поставить свою подпись.

– Что это такое? – посмотрел Варнаховский на бумагу.

– Ваше согласие на работу в Третьем отделении. Знаете, мы как-то предвидели, что наш разговор сложится благополучно, вот и подготовили. Прочитайте.

Леонид пододвинул к себе бумагу и прочитал.

«Начальнику Третьего отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии действительному тайному советнику, графу Александру Петровичу Уварову от поручика лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Варнаховского Леонида Назаровича. Прошу Вас зачислить меня в штат агентом с размером жалования в тысячу рублей».

– И это все?

– Разумеется. Одной бумаги будет вполне достаточно, но зато у нас будут основания для того, чтобы вытащить вас из передраги, в которую вы можете попасть при вашем образе жизни. Знаете ли, у нас такая же бюрократическая машина, как и повсюду. Все мы любим бумаги. Да и вам будет как-то поспокойнее.

– Возможно, вы и правы. – Варнаховский коротко кивнул и поставил размашистую подпись. Широко улыбнувшись, добавил: – Теперь я ваш... с потрохами!

– Во всяком случае, мы очень на это рассчитываем, – положил Уваров бумагу в толстую папку. – Ну а сейчас самое время отработать предстоящее жалование.

Брови поручика поползли вверх:

– Надеюсь, не нужно будет кого-то убивать?

Действительный тайный советник громко расхохотался:

– Вы плохо представляете специфику нашей службы. Мы работаем значительно тоньше. Вы, кажется, служите адъютантом у великого князя Николая Константиновича?

– С недавнего времени.

– Прекрасно! – Подняв со стола фотоснимок, он положил его перед Варнаховским: – Вам знакома эта барышня?

Взяв фотокарточку, поручик стал с интересом всматриваться в красивое лицо. Девушка была запечатлена на фоне Аничкова моста. На ней было длинное приталенное платье, слегка расклешенное снизу. Тонкий стан обхватывал широкий ремень с большой блестящей пряжкой. Ворот стягивала широкая брошь с камнями. На аккуратной красивой головке, чуток повернутой в сторону, – шляпка из тонкой итальянской соломки; вокруг шеи вьется длинная неширокая лента. Длинные выющиеся волосы аккуратно уложены на затылке.

Вне всякого сомнения, мужчины на такую женщину за-

смаатриваются. Леонид Варнаховский не составлял исключения; он провожал ее долгим взглядом всякий раз, как только встречал. На фотографии была запечатлена балерина Мариинского театра Элиз Руше, приехавшая из Америки несколько месяцев назад. Кроме яркой внешности, она имела и талант, что, в свою очередь, способствовало приобретению огромного количества поклонников и разного рода покровителей, чем она искусно пользовалась. Поговаривали, что только за последний год балерина сумела сколотить состояние, которому позавидовал бы иной сибирский золото-промышленник, что подразумевало опустошенные карманы незадачливых купцов и прочих богатых воздыхателей. Однако в последнее время она значительно отдистанцировалась от прежних поклонников, а в светских салонах откровенно говорили о том, что на нее обратил внимание известный балетоман из царской фамилии.

– Мне приходилось ее видеть, это балерина Мариинского театра Элиз Руше, – вернул он карточку Уварову. – Фотография на редкость удачная. Впрочем, в жизни она не хуже.

– Не стану с вами спорить, – согласился Александр Петрович, пряча фотографию в папку. – Это несравненная Элиз. Я весьма далек от балета, но мое сердце начинает тревожно трепыхаться, когда она выходит на сцену. У нее ведь отец француз, знаменитый балетмейстер, а мать русская. В свое время последняя была весьма известной танцовщицей. А потом, и внешне Элиз невероятно хороша – так бывает всегда,

когда сливаются разные крови. Так что от своих родителей барышня взяла только наилучшее. Хотя, возможно, для нас было бы значительно проще, если бы она была не столь очаровательна.

– Что вы имеете в виду?

– Дело в том, что в нее влюбился великий князь Николай Константинович.

– Ах, вот как...

– Вы разве ничего об этом не знаете?

– Я всего лишь его адъютант, он не доверяет мне своих сердечных тайн. Хотя несколько раз я видел ее в обществе Николая. Но он встречается не только с ней. Хотя, что плохого в любви, господа? Это же прекрасно!

Брови действительного тайного советника собрались у самой переносицы в жесткую складку.

– Позвольте вам объяснить, – поспешно заговорил Бобровин. – Разумеется, мы не против любви. Увлечениям подвержены все, даже члены императорской фамилии. Прежде чем они обвенчаются, у некоторых из них такой внушительный донжуанский список, что даже самым отъявленным ловеласам до них очень и очень далеко. Но одно дело, когда влюбляется простой господин, и совсем другое, когда это происходит с великим князем. Мы должны быть начеку. По нашим агентурным данным, Николай Константинович не просто увлекся этой особой, а намеревается на ней жениться! А это уже морганатический брак, способный весьма серьезно

ударить по царствующей фамилии. Кроме того, не исключено, что женщина завербована немецкой разведкой и через великого князя может воздействовать на политику государства. Да и сама фигура великого князя весьма противоречива – Николай Константинович весьма неуравновешен, часто попадает в какие-то нехорошие ситуации, чем компрометирует императора. Было бы лучше под каким-то благовидным предлогом убрать его из семьи. Нам надоели его бесконечные разгулы за границей, где он просто позорит российский императорский престол. А все эти его бесконечные скандалы! Его имя просто не сходит со страниц зарубежной прессы. Он предстает в самом дурном свете, а вместе с ним, разумеется, и вся фамилия Романовых. Мы его должны убрать, так будет лучше для государства.

– Но какое отношение все это имеет ко мне?

– Самое непосредственное. Вы позволите растолковать? – повернулся Бобровин к начальнику Третьего отделения.

– Продолжайте, – легким кивком разрешил Уваров. – Думаю, это у вас получится более доходчиво.

– Ваша задача заключается в том, чтобы влюбить в себя Элиз.

– Ого! И вы считаете, это возможно?

– Перестаньте! С вашими-то многочисленными талантами и донжуанскими способностями... Полагаю, это для вас не составит особого труда. А потом, мы очень тщательно изучили личное дело Элиз Руше и ее прежнюю жизнь. Несмотря

на молодость, у нее весьма бурная и интересная биография, в которой есть место страстям, драмам, очень сильным любовным увлечениям, переживаниям. Не знаю, как вы к этому отнесетесь, но самая большая любовь у нее случилась с мужчиной, который очень похож на вас.

– Вы мне льстите.

– Ничуть!

– Хотите взглянуть на него? – неожиданно предложил Уваров.

– Было бы любопытно взглянуть на своего «двойника».

Вытащив из папки фотографию, Уваров положил его перед Варнаховским.

На снимке был запечатлен молодой щеголеватый мужчина немногим более двадцати лет, эдакий завсегдатай самых модных светских салонов. Одет он был в однобортный сюртук по последней моде и в узкие брюки в тонкую белую полоску. Откуда-то возникло ощущение, как если бы поручик взирал на собственное отражение, – ведь он предпочитал одежду именно такого покроя. Не исключено, что заказывали они костюмы у одного и того же мастера. Но больше всего Варнаховского раздражали усы в тонкую щеголеватую ниточку, делавшие их похожими куда больше, чем сюртук, сшитый по последней моде.

Поручик невольно нахмурился: сходство было поразительным! «Первое, что я сделаю, когда вернусь домой, так сбрею эти чертовы усы, – в сердцах пообещал он себе. – Хотя

не стоит горячиться, без усов гусару нельзя! Сослуживцы не поймут. Лучше отрастить бороду».

Вернув фотографию, он произнес:

– Сходство и в самом деле весьма большое. Если бы у меня был брат-близнец, то я бы сказал, что это именно он.

– Этот человек похож на вас не только внешне, но и внутренне. Извините меня за сравнение, но у него такой же авантюрный склад ума.

– Именно поэтому вы решили остановиться на мне?

– Этот фактор тоже сыграл не последнюю роль.

– Значит, я должен скомпрометировать Элиз перед великим князем?

– Вы сформулировали довольно откровенно, так оно и есть! Думаю, она захочет близости с вами, как только узнает вас достаточно хорошо. Ваша задача заключается в том, чтобы влюбить в себя балерину, чтобы она позабыла великого князя со всеми его добродетелями и пороками!

– Князь попытается вернуть ее расположение.

– Именно этого мы и добиваемся. Тогда он пойдет на безрассудные поступки. Один из таких поступков наверняка скомпрометирует его перед императором, и он отдаст его от дворца.

– Влюбить ее в себя будет непросто... Хотя, быть может, тем и интереснее. – Губы гусара расплылись в мечтательной улыбке. – Пожалуй, это будет увлекательным занятием.

– Воспринимайте наше задание как небольшое приклю-

чение.

Глава 5

Богиня балета

Леонид Варнаховский не был балетоманом, однако считался в их среде своим человеком. А все по одной причине: самые красивые женщины в Петербурге встречались именно в балетной труппе (а он всегда старался находиться там, где присутствовали красивые женщины). Да и само величие театра, залитое светом, напоминало ресторанную обстановку, веселую и раскрепощенную, в театральных буфетах вино лилось таким же неудержимым потоком.

В этот раз Элиз танцевала партию феи в спектакле «Щелкунчик». Легкая, в воздушном платье, она взорвала зал овациями, стоило ей ступить на сцену. Со всех сторон к ее ногам полетели букеты, так что свою партию она танцевала просто на цветах, устилавших сцену в два слоя.

Варнаховскому приходилось смотреть балетные спектакли в торжественном Берлине, в праздничном Милане, в чопорной Вене, но он мог сказать совершенно точно, что не видел прежде ничего похожего. Элиз Руше была воплощением грации и женственности, и он просмотрел спектакль буквально с открытым ртом. Только когда балерина вышла на поклон, тишину зала взорвали овации.

В такую женщину нельзя было не влюбиться, и теперь он, как никто другой, понимал Николая Константиновича.

Купив большой букет белых роз, Леонид направился к театральному подъезду, где уже стояло немало его знакомых, находящихся в близких отношениях с балеринами. Держались они важно, расправив грудь, и по-деловому посматривали на часы, давая понять окружающим, что к столь долгому ожиданию они не привыкли. Среди них было несколько молодых людей, в основном юнкера и корнеты, появившиеся здесь впервые, также рассчитывающие вырвать у судьбы счастливый шанс заполучить в возлюбленные балерину. По тому, каким счастьем светились лица некоторых из них, было понятно, что они в шаге от своей мечты.

– Господа, они выходят! – восторженно выкрикнул юноша в студенческой шинели. – Богини!

Поклонники, прервав разговоры, в едином порыве устремились к распахнутым дверям, откуда в это время выходили танцовщицы.

Леонид занял позицию немного в сторонке, зная, что Элиз Руше всегда выходит последней, как раз в то время, когда у многих ее поклонников просто лопается терпение. Именно тогда в своей золоченой карете подъезжает великий князь Николай Константинович и отвозит чаровницу в свою летнюю резиденцию.

Но в этот раз балерине великого князя не дожидаться: накануне вечером прибыл посланник великого герцога Фридриха-Франца Второго. Прибытие посланника всегда считалось делом государственной важности и не было рассчита-

но на посторонние уши, однако Третье отделение было в курсе предстоящего разговора, – намечалась помолвка великого князя Николая и племянницы герцога Марии. Кирилл Бобровин предпринял усилие, чтобы новость докатилась до Элиз Руше. Чтобы досадить великому князю, балерина будет искать нового сопровождающего, так что Варнаховский со своим букетом роз может оказаться весьма кстати.

Еще через сорок минут ожидания, когда толпа поклонников значительно поредела, а большая часть балерин разъехалась со своими воздыхателями, из театрального подъезда вышла Элиз.

– Господа! Это Элиз Руше! – воскликнули несколько мужчин одновременно.

– Богиня, куда изволите ехать? Я отвезу вас, куда вы пожелаете, – подошел крупный мужчина с большой окладистой бородой и с золотой цепью на бархатном фраке.

– Спасибо, – ответила балерина с холодной учтивой улыбкой, – но меня должны встретить.

– Богиня! – вышел вперед высокий молодой человек с огромной охапкой красных роз. – Ежели позволите, я вас доставлю на своей тройке куда угодно!

Напор поклонника был столь решителен, что, не оказавшись подле нее высокого человека в военной шинели, балерину непременно затерли бы в фасад здания.

Развернувшись к напирающим поклонникам, Леонид Варнаховский громко, насколько позволяла мощь легких,

проговорил:

– Господа, прошу потесниться, я прибыл по поручению великого князя.

Толпа отхлынула, как вода с крутого каменистого склона, и поручик с удовольствием отметил, что стоит в центре круга вместе с прижавшейся к его руке балериной. Тепло женщины мгновенно распространилось по телу, будоража молодую кровь.

– Это вам, – протянул он букет белых роз.

– Какая прелесть, – тихо проговорила балерина. – Букет просто великолепен!

Подняв голову, гусар столкнулся со множеством взглядов: от откровенно враждебных до завистливых.

– Прошу вас, господа, расступитесь, – все тем же властным тоном проговорил Леонид, раздвигая рукой подступивших мужчин.

Уверенным шагом, увлекая за собой оторопевшую балерину, он повел ее по образовавшемуся коридору.

– Элиз просто неземная! Афродита! Венера! – раздавались вслед восторженные возгласы мужчин.

– Элиз – это воплощенное очарование!

Леонид подвел Элиз Руше к золоченой карете, запряженной тройкой лошадей, и, подав руку, пригласил в распахнутую карету:

– Прошу вас!

– Вы и в самом деле от великого князя? – неожиданно

спросила балерина, слегка приподняв длинное платье, чтобы взойти на ступеньку кареты.

– Вас что-то смущает?

– У меня такое чувство, что я вас где-то уже встречала.

– Может, в другой жизни?

– Возможно, – слегка погрузнев, ответила танцовщица. –

Впрочем, мне теперь уже все равно.

И она уверенно, распрямив спину, с грацией, на которую способна только балерина, вошла в карету.

– Так куда погонять-то, ваше благородие? – спросил возница, обряженный в вышитую золотыми нитями ливрею.

– Погоняй на Костовский мост, любезнейший, – приказал Варнаховский, закрывая за собой дверцу. – Да смотри у меня, не растрясси! Такой груз везешь!

– Да разве ж я не понимаю, ваше благородие! – И, высоко потрянув вожжами, повеселел: – Пошли, милые!

Тяжелая карета как бы нехотя сдвинулась с места, а потом бодро заколесила по брусчатке, оставляя позади и театр, и незадачливых поклонников.

– Разрешите представиться, граф Эд Дюнуа.

– Кажется, я о вас что-то слышала.

– Нисколько не сомневаюсь, сударыня, мой род один из самых древнейших во Франции, он ведет свой отсчет еще с начала девятого века. В то время мои предки владели небольшим французским графством, включавшим в себя город Шатоден и его окрестности. Но это по матери, а по отцу

я Варнаховский Леонид Назарович, поручик лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, адъютант великого князя Николая Константиновича.

– Ах, вот оно что... Знаете, граф, а я ведь тоже наполовину французенка.

– Мне много о вас известно, сударыня, – с готовностью сказал Варнаховский, – в том числе и это.

– Значит, вы говорите, что вы адъютант великого князя? Но прежде я вас не встречала.

– Так бывает. Адъютантов у великого князя трое.

Повернувшись к окошку, балерина глухо спросила:

– Вы не знаете причины занятости Николая?

– Нет, сударыня.

– А вот мне известно. Он собирается жениться на принцессе Марии, посланник герцога уже во дворце, и связью со мной он боится сорвать предстоящую помолвку.

– Вы напрасно так волнуетесь, сударыня, все образуется. Полагаю, великий князь не оставит вас своими заботами.

– Бог с вами, – отмахнулась Элиз. – Куда мы сейчас едем, граф?

– Мне кажется, вам нужно успокоиться. У меня есть неподалеку отсюда апартаменты. О них мало кто знает. Вы будете самой желанной моей гостьей. Надеюсь, вы не станете возражать против моего предложения?

Балерина печально вздохнула:

– Возможно, вы и правы. Мне нужно сейчас ото всех от-

дохнуть. И еще я хочу принять ванну. Надеюсь, мое желание осуществимо?

– В вашем распоряжении будет вся прислуга! Первое, что я прикажу сделать, так это приготовить вам ванну.

– И все-таки я не могу отделаться от мысли, что вы мне очень напоминаете одного человека...

– Надеюсь, он не сделал вам ничего дурного, сударыня, – поспешно произнес Варнаховский.

– Он всегда был очень добр со мной. Потом наши пути разошлись. Навсегда. Он остался в Америке, а я переехала сначала во Францию, а потом уже в Россию. Все надеялась его позабыть, и вот когда я вас увидела, так у меня появилось такое ощущение, будто это был знак свыше. Может, по этой причине я поехала с вами.

– Мне бы хотелось быть вашим другом.

– Вы очень торопитесь, молодой человек... Хотя почему бы и нет. Несмотря на толпы поклонников, я по-прежнему очень одинока. Думала, что мою тоску сумеет как-то погасить Николая, но он только сильнее причинил мне боль.

Карета остановилась около двухэтажного особняка с высокой чугунной оградой, через которую был виден красивый ухоженный парк.

– Я вас понимаю, сударыня. У меня самого была невеста, которая вышла замуж.

– Обещаете, что когда-нибудь расскажете вашу грустную историю?

– Непременно. Но мы уже приехали. Давайте я помогу вам, сударыня, – протянул Леонид руку, распахивая дверцу кареты.

– Умоляю вас, не называйте меня больше сударыня! У меня есть имя.

– Хорошо, Элиз. Это имя звучит для меня, как музыка.

– Вот и договорились, – с улыбкой произнесла девушка, протягивая узкую невесомую ладошку. – А знаете, у меня отчего-то возникло ощущение, что мы с вами подружимся.

– Я очень рассчитываю на это, Элиз.

Спускаясь с кареты, Элиз Руше приподняла краешек платья, показав кожаную туфлю, вышитую самоцветами. Пара таких туфель стоит целого табуна лошадей. Великий князь явно ее балует.

– Держитесь за меня крепче, Элиз, – выставил Варнаховский руки.

Тонкая девичья рука тотчас обвила его локоть.

– Постараюсь. А вы не бойтесь, что я влюблюсь в вас? Ведь все-таки я пылкая увлекающаяся натура. А потом, мне бы хотелось пережить то, что со мной когда-то случилось в Америке. Боже ты мой, я по-прежнему живу этим, кто бы мог подумать!

– Я был бы счастлив, если бы это когда-нибудь произошло.

– Возможно, это произойдет даже несколько раньше, чем вы полагаете. – Элиз неожиданно приостановилась и посмотрела на Леонида. Ее откровенный взгляд поразил поручика.

Пожалуй, великого князя не в чем упрекнуть, такую женщину можно полюбить навсегда, увидев ее лишь однажды. – А про Николая я вот что скажу: я не пожелаю его видеть до тех пор, пока он не покается. Так, значит, вы не против того, чтобы я пожила у вас некоторое время?

– Сочту за честь, Элиз.

– Вы хорошо знаете великого князя?

– Смею надеяться, что это так.

– Мне говорили о том, что его любимое изречение: «Любую женщину можно купить, разница лишь в цене – пять рублей или пять тысяч». Если это действительно так, тогда мне придется установить за себя настоящую цену. Пускай раскошеляется, – сухо произнесла Элиз. – Что же мы стоим, поручик? Мне зябко, или вы раздумали приглашать меня к себе?

– Я всегда к вашим услугам, медемуазель!

Глава 6

Маленькие шалости

– Итак, Кирилл Федорович, что вы можете доложить мне? – спросил Уваров после того, как Бобровин присел на стул.

Их разделял широкий стол, покрытый зеленым сукном, на котором стояли две фотографии в рамках; мельхиоровые настольные часы в виде сидящего ангела; пресс-папье из малахита и длинная ручка, торчавшая из чернильницы. Обыкновенный набор, какой можно встретить у чиновника средней руки, если не знать того, что разговариваешь с человеком, которому император доверяет свои самые сокровенные тайны. И, быть может, с ним он откровенен куда больше, чем с ближайшими родственниками.

– Мы продолжаем наблюдать за великим князем. Все двадцать четыре часа в сутки он находится под нашим наблюдением, – уточнил глава первой экспедиции. – Скажу так: если бы Николай Константинович не принадлежал к дому Романовых, то я бы посчитал его закоренелым социалистом и заключил под усиленную стражу.

– Смелое заявление, – улыбнулся начальник Третьего отделения. – Хорошо, что этого замечания не слышит император.

– Своим поведением великий князь дискредитирует дом

Романовых, и было бы лучше, если бы он проживал где-нибудь подальше от императорского дома. Холодный циник, типичный прожигатель жизни, подвержен многим порокам, в том числе и пагубным страстям... Он готов пойти на самые крайние меры, чтобы заполучить понравившуюся женщину. Вспомните, каким образом он познакомился с Элиз Руше...

Делом первой экспедиции было негласно наблюдать за всеми членами царской фамилии, находящимися за рубежом. А за Николаем Константиновичем, склонным к разного рода аферам и подверженным затяжным кутежам, надзор был особый. Едва ли не каждый день тайные агенты, что находились в окружении великого князя, присылали телеграммы в Третье отделение, так что Уваров был осведомлен о каждом шаге великого князя.

Наиболее запоминающимся был его последний выезд за границу, в Париж, доставивший немало хлопот царствующему дому. Великий князь по-своему обыкновению размещался в лучших отелях города, где проживал всегда с большим комфортом в обществе женщин сомнительного реноме, устраивал оргии в солидных гостиницах, чем наносил колоссальный ущерб репутации царствующей фамилии. Располагая достаточными средствами, он скупал антикварные вещи с криминальным прошлым. Великим князем в той поездке были куплены три картины Рафаэля, ранее украденные неизвестными лицами из Лувра. На таможне багаж осмотрели и обнаружили картины, находившиеся в розыске, и только

вмешательство тайной полиции смогло погасить назревающий международный скандал.

Короче говоря, в своем последнем турне по Франции Николай Константинович принес немало хлопот царствующей фамилии. Именно в тот период на сцене парижского варьете «Фоли Бержер» великий князь впервые увидел американскую танцовщицу и певицу Элиз Руше. Холодный циник, беспросветный гуляка и неустанный кутила мгновенно потерял от страсти голову и приложил немало усилий, чтобы завоевать расположение танцовщицы. Их головокружительный роман развивался стремительно. Танцовщица не желала упустить своего шанса и сумела всецело подчинить себе великого князя.

Их роман начался с того, что на спектакле он преподнес ей целую корзину фиалок, а еще через шесть месяцев подарил ей несколько особняков на самых фешенебельных улицах Парижа, Рима и Санкт-Петербурга. Не считаясь со средствами, потакал любым ее капризам: будь то ужин в дорогом ресторане или бриллиантовое кольцо, купленное в одном из самых дорогих ювелирных магазинов Европы.

– Это я прекрасно помню. Значит, Варнаховский нас не подведет?

– Все идет по плану, ваше высокопревосходительство. Я в нем уверен.

– Bravo, она божественна! – неистовствовала публика, когда Элиз Руше вышла на поклон.

Неожиданно на сцену быстрым шагом вышел молодой человек в мундире поручика лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка с огромной корзиной алых роз и, преклонив колено, поставил ее на сцену.

В зале зашептались.

– Это цветы от великого князя Николая Константиновича, – проговорила в первом ряду дама лет пятидесяти, обмахивая веером вспотевшее лицо.

– В прошлом году он подарил ей целую корзину фиалок. И это зимой! – отозвалась молодая соседка.

– У него с танцовщицей произошла размолвка. Поговаривают, что его хотят женить на датской принцессе Марии.

– Я слышала, графиня, что Элиз совсем не хочет принимать его и сейчас живет в бельэтаже своего поклонника. Никого не хочет видеть.

– Да, это так, – сочувственно произнесла графиня. – Она такая несчастная. Бедняжка!

Поклонившись, балерина убежала со сцены, даже не взглянув на цветы.

Дрогнув, занавес закрылся, спрятав от любопытствующих взоров сцену, устланную цветами.

Театральный подъезд по обыкновению осаждала толпа поклонников в надежде увидеть вблизи предмет своего обожания. Великий князь Николай был уверен, что половина из них пришла для того, чтобы посмотреть на танцующую волшебницу. В числе воздыхателей были купцы, сибирские золотопромышленники, надеявшиеся предоставить балеринам свое покровительство. О том, что между ним и Элиз произошла размолвка, знала половина Петербурга. И каждый втайне надеялся занять освободившееся место.

К театральному подъезду Николай Константинович подъехал в обыкновенной повозке и, заглушая в себе ревность, смотрел на толкающихся у входа мужчин. Кто бы мог подумать, что он окажется в роли отверженного и, уподобившись безумному юноше, примется издалека высматривать предмет своего обожания...

– Николя, мне больно на тебя смотреть, – произнес Леонид Варнаховский. – Надо что-то делать, иначе тоска просто сожрет тебя.

– Что же ты предлагаешь?

– Пойти к ней и объясниться.

– Тебя бросали женщины? – неожиданно спросил великий князь.

– Думаю, вряд ли отыщется мужчина, которого хотя бы

раз в жизни не бросила женщина. Я тебе советую смотреть проще на такие вещи – завтра ты сможешь сполна на них отыгаться.

– А ты молодец, поручик, – согласился Николай Константинович.

– Не более, чем ваше императорское высочество. Слушая тебя, я начинаю думать, что это я с кем-то другим ходил по петербургским борделям.

– Сейчас все по-другому...

– Николя, извини меня, но ты слишком часто потакаешь женским капризам. Только в одном Париже ты потратил на них едва ли не миллион!

– Зато какие это были женщины! – закатив глаза, произнес великий князь.

– Я не имею никаких претензий к качеству, но подарки могли быть куда более скромными.

– Что она сказала, когда ты принес ей на сцену целую корзину роз?

– Она даже не взглянула в мою сторону.

– Элиз! – застонал великий князь. – Это похоже на нее.

Она умеет мучить!

Неожиданно дверца кареты распахнулась, и перед великим князем и адъютантом предстала крупная фигура с окладистой широкой бородой, по всему виду, купеческого звания.

– Прошу прощения, ваше высочество, я насчет долга. Зав-

тра истекает срок уплаты по вашим векселям. Ежели вы запомнили, то их набралось на двести тысяч рублей. Я, конечно, человек небедный, уж как-нибудь справлюсь, но вы бы меня уважили, объяснили, как долго еще ждать? А то давеча я зашел, а ваши люди меня не принимают, едва ли не взашей гонят. А однажды ваш адъютант, – он покосился на Варнаховского, – пообещал собак на меня натравить... Ежели я к вам с большим уважением, так и вы меня уважьте. Не все же время мне вас у театра караулить, – в голосе купца явственно послышалась угроза.

– Это так? – сурово посмотрел великий князь на адъютанта.

– Господин купец меня не так понял, – едва пряча презрение, ответил Варнаховский. – Это просто была шутка.

– Шутка, извольте говорить, – загудел купец, – а только у вашим барским шуткам не обучен. Я ведь и обидеться могу. Ежели у нас ума ни на грош, что же вы деньги у нас одалживаете?

– Это у кого же – у вас? – посуровел великий князь.

Скоро должна выйти Элиз, а он вынужден вести разговоры с каким-то дремучим купцом.

– Извольте... Я тут у своих купцов поспрашивал, так вы не только у меня позанимали ассигнации. Могу перечислить... У купца Симонова заняли сто тысяч рублей. Вексель уже месяц как просрочен, а деньги отдавать вы и не думаете. У Сытина взяли сто тысяч под расписку, обещали вернуть треть-

го числа с процентами – и опять ничегошеньки! У коммерсанта Волобуева пятьдесят тысяч, и опять не отдали. А ведь деньги, как известно, счет любят. Их в дело нужно пускать. А потом, ведь нам много не нужно, только уважение. Вы к нам подойдите, объясните, в чем причина...

– Что же, мне вам в ноги, что ли, поклониться?

– А если потребуется, так и в ноги, – возвысил голос купец.

– Не дождетесь! Пошел бы ты отсюда, братец, пока я тебя взащей не вытолкал. Или ты думаешь с великим князем на кулаках подраться?

– Не стоило вам так говорить, ваше императорское высокочество. Вы не только меня разобидели, в моем лице весь купеческий мир оскорбили! Не знаю, как там князя с графьями, а ждать теперича мы более не можем. Нас таких десятка три наберется, у кого вы деньги позанимали. Это будет почти на полмиллиона. Ежели через неделю денег не будет, пеняйте на себя.

– И что же вы сделаете?

– Знамо что! Отдадим ваши расписки и векселя в суд. Пусть он рассудит, как быть. А еще и императору отпишем, пусть знает! Так что прощевайте, ваше императорское высокочество. Надеюсь, встретимся в суде.

Развернувшись, купец твердым шагом, распрямив сильную широкую спину, зашагал к поджидавшей его карете.

– Каков наглец! – негромко высказался Варнаховский.

– Дверь закрой, – хмуро обронил великий князь, – а то дегтем за версту от этого купца воняет.

Громко хлопнула дверца, спрятав великого князя от удаляющегося купца и от нетерпеливой толпы балетоманов, атакующих театральный подъезд.

– Крепко он взял за горло. Ой, крепенько, – произнес великий князь. – Даже вздохнуть не могу.

– А ведь он напишет императору.

– Напишет, – согласился Николай Константинович.

– Что делать думаешь?

– Надо уезжать из России, – тихо проговорил великий князь. – Не дадут мне здесь покоя. Только там я смогу зажить спокойно. Ну, чего сидишь? Проводишь меня к Элиз. Не век же мне ее здесь дожидаться!

Заприметив приближающегося князя, толпа воздыхателей умолкла. Не обращая внимания на откровенно заинтересованные взгляды, великий князь потянул на себя тяжелую дверь театрального подъезда и вошел внутрь театра. Топая по коридору, увидел молодого артиста, который при приближении великого князя поспешил скрыться в одной из пустующих гримерных. Одна из молоденьких артисток едва не налетела на него, выходя из комнаты, удивленно ойкнула и поспешила юркнуть обратно.

В самом конце коридора находилась гримерная Элиз Русе, совмещенная с просторным будуаром, где размещалась широкая двуспальная кровать, завешанная балдахинном, а

подле стояло высокое, под самый потолок, зеркало. У стены короткая тахта, укрытая атласным пледом, кожаный диван и небольшой стол с четырьмя стульями. В будуаре было все самое необходимое, чтобы предаваться любовным играм. Помнится, в ее будуаре он провел немало незабываемых часов.

Постучавшись в дверь, Николай Константинович с волнением принялся ждать ответа. Вдруг подумалось о том, что в это самое время его место на тахте, где нередко они предавались интимным утехам, занял новый покровитель.

– Войдите, – услышал он знакомый голос с низковатым тембром.

Распахнув дверь, великий князь увидел Элиз, сидящую за столом подле большого зеркала. Потешно приоткрыв рот, она длинной тонкой кисточкой накладывала тени.

– Это вы, Николая? – удивленно проговорила балерина, посмотрев на стоявшего в дверях Николая. – Право, какой вы нерешительный. Я вас таким не знала. Решили нанести визит вежливости? Или у вас ко мне есть какое-то иное дело?

– Вы очень жестоки, Элиз. – Великий князь робко прошел на середину гримерной. – Почему вы меня избегаете?

– Право, даже не знаю, что вам ответить. – Потеряв интерес к великому князю, она стала припудривать разрумившиеся щеки. – Ведь вы уже сделали свой выбор, и мне нечего вам сказать.

– Почему же?

– Мне стало известно, что император дал свое согласие на ваш брак с датской принцессой. Так что для вас я... как это сказать поточнее, отрезанный ломоть. Вы заживете своей жизнью, полной разного рода соблазнов и приключений, а мне нужно будет устраивать свое маленькое счастье.

– Понятно... У вас есть кто-нибудь?

– Думаю, это вас не должно интересовать. Мы с вами все-го-то любовники и не должны предъявлять друг к другу каких-то требований и обязательств. Или вы сейчас броситесь в будуар, чтобы отыскать под кроватью моего любовника, я так понимаю?

Отложив в сторону кисточку, Элиз сердито посмотрела на великого князя.

– Вам не стоит беспокоиться. Я влюблен, но не безумен, что бы обо мне ни говорили... Но знайте, я не могу без вас. – Великий князь подошел к Элиз и, встав на колени, уткнулся лицом в ее ладони. – Мне не нужно ни величия, ни воинской славы, ни карьеры. Мне нужны только вы, Элиз!

– Боже, вы не о том говорите, – попыталась Элиз вырвать руки. – Ведь все уже решено. Разве не так? Наши отношения с вами затянулись, мне пора возвращаться. Теперь здесь меня ничто уже не держит.

– Остановись, прошу тебя! Будь моей, как прежде! – перешел великий князь на «ты», как в то время, когда они были вместе. – Я никогда не женюсь на этой датской принцессе.

– Вы говорите это серьезно? – Брови Элиз Руше слегка

приподнялись.

– Никогда я не был более серьезен, чем сейчас. Мы с тобой уедем за границу. В Париж, где нам было очень хорошо. И проведем весь век вместе, разве это не счастье?

– Помилуйте, Николая! О чем вы говорите? На какие деньги вы собираетесь жить за границей, да еще в Париже? Может, вы собираетесь снять мансарду где-нибудь на Монмартре, как какой-нибудь несостоявшийся художник? Увольте! На такие подвиги я не способна. У вас же нет денег. Насколько мне известно, у вас долгов почти на миллион рублей!

– Кто тебе это сказал? – посуровел Николай.

На лице Элиз промелькнуло замешательство, или ему это только показалось?

– Об этом говорит весь Санкт-Петербург! Как вы будете расплачиваться? И на какие деньги мы будем жить? Уверена, что как только мы уедем из России, ваша семья не даст вам ни копейки!

– У меня имеются кое-какие сбережения, – не совсем уверенно произнес великий князь. – Поверь мне, Элиз, этих денег нам хватит на несколько жизней! Я сделаю все, чтобы ты была счастлива, только не оставляйте меня!

– Не знаю даже, что вам сказать, Николая, но через месяц я уезжаю в Америку.

– Надолго?

– Думаю, насовсем.

– Значит, ты даешь мне месяц? Что ж, я обязательно что-

нибудь придумаю.

– А сейчас оставьте меня. У меня был очень тяжелый день, и мне хотелось бы отдохнуть.

Поднявшись, Николай Константинович поцеловал ладонь Элиз, обратив внимание на то, что длинные узкие пальчики дрогнули от легкого прикосновения его губ, и, полный радужных надежд, вышел из гримерной. Элиз поднялась из-за стола, закрыла дверь на замок и негромко произнесла:

– Он ушел. Степан, выходи!

Из будуара вышел молодой артист, в труппу он был принят полгода назад и делал большие успехи. Судя по тому, что в любовницах у него была сама Элиз, эти успехи касались не только сцены.

– Николя не на шутку в тебя влюблен.

– Теперь меня это совершенно не интересует, когда есть ты, – гибкие тонкие руки обвили его шею. – Все это уже в прошлом. Мое настоящее – это ты! Ты даже не представляешь, что я пережила, когда он вошел в гримерную. Мое сердце едва не вырвалось из груди. Представляешь, что могло бы случиться, если бы он решил осмотреть будуар...

– Ты думаешь, он меня убил бы? Вряд ли! Мы просто раскланялись бы и разошлись в разные стороны. Самое большее, что могло бы случиться, – меня просто уволили бы из театра...

Женское тепло было приятно. Волосы Элиз пахли ромашкой, губы слегка приоткрылись для поцелуя.

– Пстой, – произнес танцор, – сейчас не самый благоприятный момент. Надеюсь, мы еще наверстаем. Ты в самом деле хочешь быть со мной?

– Господи боже мой! Неужели ты еще не понял до конца? Мне никто не нужен, кроме тебя.

– Я тебе верю. А теперь тебе нужно идти.

Открыв дверь, Элиз Руше выпустила танцора в опустевший коридор.

Глава 7

Тайный агент «Гусар»

– После великого князя у Элиз был роман с каким-то танцором?

– Именно так, ваше высокопревосходительство, но мы распорядились уволить его, и сейчас он танцует в московском театре.

– Это хорошо, даже самые сильные чувства притупляет расстояние.

– Что у вас по Гусару?

Кирилл Федорович Бобровин каждому из своих агентов давал клички, была таковая и у Леонида Варнаховского. Ее предложил Уваров, назвав его «Гусаром», и теперь в небольшой синей папке, где уже хранилось с десятков бумаг, исписанных убористым красивым подчерком, на титульном листе рядом с его именем была лаконичная запись: *Тайный агент «Гусар»*.

Бобровин не помнил случая, чтобы Уваров в разговоре с ним называл тайных агентов по имени, как если бы опасался, что в комнате кроме них может присутствовать кто-то третий.

– Он всецело оправдывает наши ожидания, ваше высокопревосходительство. Как мы и предполагали, как только удалили этого танцора, Элиз Руше влюбилась в него без памяти.

Широко улыбнувшись, Уваров произнес:

– Женщины всегда оставались для меня загадкой. Меня все время удивляет, что их заставляет любить таких мерзавцев.

– Видно что-то они в них находят, ваше высокопревосходительство. У меня такой вопрос, не слишком ли мы подняли планку?

В какой-то момент в глазах Уварова сверкнуло сомнение. Или все-таки показалось? Но уже в следующую секунду он уверенно произнес:

– Все идет именно так, как мы и планировали. Ничего не менять! – И, понизив слегка голос, пояснил: – От великого князя Николая можно избавиться только таким образом. Лучше сделать это сейчас, чем потом, когда ущерб для России будет внушительным. Не спускайте с них глаз: ни с великого князя, ни с Гусара. Мне важно знать о каждом их шаге.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство. Я уже принял дополнительные меры, – сказал Бобровин, усмехнувшись пришедшей мысли.

* * *

Сразу после размолвки с Элиз Руше великий князь Николай Константинович укатил на первый Адмиралтейский остров, в Мраморный дворец, считавшийся домом всех Константиновичей, где он провел свое детство. Всякий раз, за-

являясь сюда, он чувствовал себя в его стенах совсем по-домашнему.

Прежде великий князь проживал в Павловске, где имел шикарные апартаменты, но с недавнего времени папенька повелел выделить ему три комнаты на втором этаже. Поговаривали, что именно в этой части дворца его прежний владелец Павел I упражнялся в стрельбе из пушек, а чтобы не прибить ядром свою чувствительную супругу, сажал ее в огромную мраморную вазу... Но теперь этот уютный уголок ничем не напоминал о военных баталиях и о прежних многочисленных чудачествах императора Павла I.

Пожалованные комнаты были парадными, с выходившими на дворцовую набережную окнами. В одной из комнат была устроена библиотека с огромным *столом-шкапом*; стены оклеены обоями с ярко-синими васильками, на них висели гравюры французских мастеров со сценами из сельской жизни. Другая комната была гостиной с мебелью из красного дерева, обтянутой голубой кожей с отливом, напоминавшим павлинье перо; в углу большой серый диван. Оконные рамы – бронзовые, вероятно, еще с екатерининского времени, однако заменять их Николай Константинович не пожелал. Мебель в спальней, включая кровать, была из красного дерева, со вставками из черного.

Здесь же во дворце имелась комната для адъютанта Леонида Варнаховского, с которым великий князь пребывал в приятельских отношениях. Чаше он нуждался в его обще-

стве для того, чтобы весело проводить время где-нибудь в театральных гримерных и в карточных салонах, нежели использовать в поручениях государственной службы.

Великий князь прошел мимо охраны, лихо козырнув, и направился в свои покои.

Вопрос по долгам следовало как-то решить. Привыкший жить на широкую ногу и ни в чем не знавший отказа, Николай Константинович понимал, что финансовый поток ослабеваает, а вместе с ним заканчиваются удовольствия. Деньги следовало где-то раздобыть. Можно было бы обратиться к матушке, но не в ее правилах баловать чадо деньгами, да и много дать она не в состоянии, – можно рассчитывать тысяч на тридцать, с условием, что он отчитается о каждом потраченном рубле. А этого делать никак не хотелось. Как объяснить рассудительной и строгой маман, что половину пожалованных денег он намеревается потратить в «веселом доме», на десять тысяч купить любовницам по безделушке, а оставшиеся деньги просто спустит в течение двух дней в каком-нибудь модном ресторане? О том, чтобы обратиться к отцу, не могло быть и речи. Тот уже давно устал от всех скандальных историй, случавшихся с сыном с регулярностью раз в месяц. Была бы его воля, так он запер бы на замок своего нерадивого старшенького, а еще приставил бы к его дверям усиленный караул и продержал бы под охраной до самой женьитьбы.

Николай Константинович повесил на плечики шинель и

прошел в спальную комнату, где под темно-зеленым балдахинном пряталась широкая кровать. Еще совсем недавно он предавался на ней с Элиз разным чудачествам, а сейчас она казалась ему невероятно широкой.

Деньги следовало раздобыть как можно быстрее. А там – в Париж! Вот где его никто не достанет. Ежели этого не сделать в ближайшее время, то кредиторы пожалуются на него императору, а уж тот найдет способ наказать своего племянника и крестника.

Впрочем, существовало одно решение, которое могло мгновенно поправить его финансовые дела, но Николай Константинович попытался тотчас отогнать пришедшую мысль. Уж слишком памятливы были недавние события...

Дело произошло три года назад, когда он, чтобы покрыть карточные долги, забрал из будуара матери алмазные подвески (свадебный подарок мужа), а из Малинового кабинета императрицы (расположенного в Зимнем дворце, где нередко проходили семейные чаепития) вынес целый чемодан разного рода безделушек из слоновой кости и посуду севрского фарфора.

Пропажи хватились тотчас и немедленно провели тихое домашнее расследование, в котором вспомнили о том, что Николя накануне интересовался фарфором и его стоимостью. Кто-то из прислуги видел, что он на некоторое время вошел в столовую, где обычно хранилась наиболее ценная посуда. А солдат, стоявший в карауле, заметил, что вели-

кий князь Николай выходил из Зимнего дворца с большим дорожным чемоданом, в котором якобы позвякивала посуда. Вскоре одна из исчезнувших статуэток из слоновой кости обнаружилась в Павловске, в его кабинете, где он проживал с младшим братом.

Императрица Мария Александровна (вместе с Александрой Иосифовной, матерью Николя) подошла к своему племяннику и потребовала объяснений. А когда тот стал отпираться, заявляя, что не причастен к краже, пригрозила, что об этом его проступке расскажет не только его отцу, но и Александру Второму, скорому на расправу. Николай Константинович искренне покаялся, пообещав вернуть похищенное.

Отходчивая женщина простила племянника, поцеловав его в покаянную голову, на том и забылось.

В тот раз ему удалось не только погасить свой долг, но еще и сэкономить сотню тысяч рублей на «веселый дом» и на подарки женщинам. А подарки, как и подобает человеку царской крови, Николя делал щедрые, не считаясь с тратами. Так что этих денег у него хватило на пару месяцев, после чего, не сдержав данное себе обещание, он вновь начал залезать в долги.

Не найдя другого выхода, Николя после долгих сомнений решил осуществить задуманное. Переодевшись в гражданское платье, он направился в комнаты матери. Александра Иосифовна была единственная женщина, которую он любил

по-настоящему. Прощая ему мелкие шалости, она неизменно выделяла его среди остальных сыновей. Возможно, это было оттого, что рожала она первенца в больших муках, едва не лишившись жизни; и даже сейчас, будучи взрослым, он, в отличие от остальных детей, неизменно доставлял ей одни страдания. Всякий раз Александра Иосифовна желала видеть Николая тотчас, едва он переступал порог Мраморного дворца, и если он все-таки задерживался, то непременно отправляла за ним одну из своих горничных.

Собственно, в этот раз так и произошло: едва он вышел из кабинета, как к нему поспешила одна из матушкиных прислуг, прехорошенькая барышня Настя.

– Великая княгиня хотела с вами поговорить, – несколько робея перед Николаем, произнесла она.

– Я как раз направляюсь к ней.

Девушка развернулась и хотела было уйти, но Николай придержал ее вопросом:

– Настенька, а почему бы нам с вами как-нибудь не провести время вдвоем? Для вас я отыщу бутылку хорошего французского вина. Уверяю, вы со мной не заскучаете.

– Я всегда занята, ваше высочество. А потом, я думаю, что ни мне, ни вам этого не нужно. А еще я слышала, что у вас скоро состоится помолвка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.